

ТРЕТИЙ ЧАС

ВЫПУСК I

1946

ТРЕТИЙ ЧАС

ВЫПУСК I

1 9 4 6

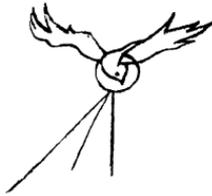
Copyright 1946
by
THIRD HOUR

Обложка работы Елизаветы Дурье

СОДЕРЖАНИЕ

1. Передовая статья	5
2. Николай Бердяев. Раздор Мира и Христианство	7
3. Денис де Ружемон. Неотложность Христианской Действенности	14
1. Артур Лурье. Комментарий к двум цитатам (Достоевский и Розанов)	19
5. В. С. Яновский. Время Николая Федорова	27
6. Елена Извольская. Живой Соловьев	35
7. Александр Казем-Бек. Почин Стефана Пермского	43
8. Раиса Маритэн. Нравственное сознание и естественное состояние	52
9. Пастор Бегнэр. Вы есть Тело Христово (из проповеди)....	55
10. О. Иоани Тарасевич (Ордена Бенедиктинцев). О Молитве..	57
11. К. Мочульский. Монахиня Мария (Скобцова)	64
12. И. Маццарли. Опыт Изучения Мистического Богословия Восточной Церкви В. Лосского	79
13. А. К. Клодинская. Австралия (корреспонденция)	84
14. А. К. Б. Джон Р. Мотт	88
15. Институт Святого Дионисия в Париже (корреспонденция)..	94
16. Христианская Жизнь (обзор событий в печати)	98
а) Карл Барт.	
б) Университетская Реформа в С. Ш. А.	
в) Рокфеллер о «Новой Церкви».	
г) Вильям Адамс Броун.	
д) Мemento Мори.	
е) Католический Епископ Франции о Социальной Реформе.	
ж) Конец Болгарской Схизмы.	
з) Новая Вера.	
и) «Живой Бог».	
к) «Тетради Новой Эпохи».	
л) «Преникон».	
м) Вечная Философия.	

«Утешитель же Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что я говорил вам».

Иоан. 14, 26.

Уходя от учеников своих, Спаситель обещал ниспослать им Утешителя — Духа Святого. В день Пятидесятницы обещание это исполнилось.

Иступленное волнение, охватившее Апостолов, толпой было принято за признак опьянения. Но восторг их был вызван ощущением благодатной силы вошедшей в них. Об опьянении вином, как указал пораженным слушателям Апостолов Петр, не могло быть и речи. День лишь начинался. Был ранний, девятый час утра: по древнему исчислению — третий час.

С этого знаменательного часа ученики стали проповедывать «с дерзновением». Любовь Учителя преисполнила их могуществом Духа. И они стали «больше, чем победителями».

После жизни в непосредственном общении с Иисусом началась жизнь в духовном единении с Ним. Через вдохновение Духом, через благодать открылась для людей жизнь в Боге: Усыновление Богом стало высшей духовной реальностью. «Все мы водимые духом Божиим суть сыны Божии». Дети единого Отца составили одну вселенную семью. «У множества было одно сердце и одна душа».

Завещанное Учителем великое Дело продолжалось. Сам Он не оставлял своих. И силою ниспосланного им Духа крепля Его семья — молодая Церковь. Торжество ее было обеспечено и «вратам адовым» не дано было одолеть ее.

Не только на совокупность всей Церкви, не только на собор верующих изливалась благодать. Каждый член Церкви представлял полноту ее. И судьба каждого члена переживалась Церковью, как общая ее судьба. В мир пришло таким путем начало соборности. Через Церковь — единую, святую, соборную, апостольскую — благодать просвещала и одухотворяла каждого.

И личный опыт вдохновения рождал в каждом живую веру, пробуждал уверенность в своем призвании, утверждал на истинном пути, сообщал терпение при гонениях, внушая бодрое и радостное мужество в час телесной смерти.

Действие Святого Духа — вне времени. Оно беспрестанно возобновляется через таинства Церкви, через преемственность апостольского рукоположения и через наитие по воле Божией. Дух дышет, где хочет. Люди могут противиться благодати. В этом испытание дара свободной воли. Люди могут и призывать благодать. Им не будет отказано в ней. Обещание Христа столь же действительно в наши дни, как и в эпоху первых христиан. Оно останется в силе до скончания веков.

В трагические периоды истории надвременная благодать Духа повелительно необходима людям. Для мира всего мира. Для выхода из житейских тупиков. Для нахождения общего языка между переставшими понимать друг друга братьями. К благодати должны быть устремлены теперь все помыслы, все притязания и все надежды верующих. Христос не оставлял своих. Он их не оставляет. И не оставит.

Вечен Третий Час.

РАЗДОР МИРА И ХРИСТИАНСТВО

Мировая война кончилась, кончилась на полях сражений, но настоящего мира нет, продолжается раздор, мир отравлен ненавистью. Страшный враг объединял, теперь он сокрушен, и все готовы восставать друг против друга. Неверно было бы думать, что это явление политического и экономического характера. Еще более это явление характера морального и духовного и свидетельствует о внутреннем состоянии человеческих обществ. Одними хитростями международной политики нельзя достигнуть замирения. Необходимо, конечно, социальное переустройство общества. Оно может происходить разными путями. Но миновать его не может ни одна страна. Общества не могут вернуться к состоянию, в котором они были до войны. Но для замирения и достижения единства недостаточно и радикальных социальных изменений. Необходимы еще духовные изменения. Мир находится в состоянии духовной анархии. И эта внутренняя анархия внешне выразилась в деспотических режимах. Единая вера не вдохновляет общество и вместо нее создают суррогаты. Христианская вера носит вселенский характер, и ей присуща идея духовного единства человечества, братского единства во Христе. Казалось бы естественно думать, что прежде всего христианство должно помочь победе над раздором и достижению единства. Но могут ли исторические формы христианства, Церкви разных конфессий сыграть эту примиряющую и объединяющую роль?

Христианство заразилось раздором мира. Христианское человечество разорвано и враждует, и вражда эта иногда так велика, что дает сильный аргумент врагам христианства. Состояние христианства в Европе является соблазном для народов Азии, для индусов и китайцев, и очень мешает успехам проповеди христианства. Все попытки сближения и соединения христианских вероисповеданий, особенно православных и католиков, до сих пор не имели успеха. Особенно бесплодны были попытки соглашения церковных правительств. Слишком многое походило на методы, которыми пользуются в международной политике. Владимир Соловьев был, быть

может, единственный человек, возвышавшийся над историческими конфессиями, и он был всем существом своим устремлен к вселенскому христианскому единству. Интуиция всеединства была основной философской интуицией его жизни. Он перенес ее и в религиозную жизнь. Но формальные соглашения, которыми он хотел достигнуть соединения православной и католической Церкви, представляют устаревшую точку зрения, и в них тонула великая правда соловьевской жажды вселенскости. Мы живем в другую эпоху, и сейчас центр тяжести должен быть перенесен в духовную жизнь. Необходимо, конечно, прежде всего сближение самих христиан, взаимное ознакомление. Восточное христианство очень плохо знают, и его не так легко узнать, потому что оно менее оформлено, менее рационализировано и социализировано, чем западное христианство. В направлении сближения и ознакомления уже немало сделано, особенно в отношениях православных и англикан. Но все убеждает в том, что достижение христианского единства предполагает новую эпоху в христианстве, новую углубленную духовность, как бы новое излияние Духа Св. в мир. Это будет означать религиозное преодоление ограниченности исторических конфессий, не интернационализм, что означало бы обеднение и движение в отвлеченность, а сверхконфессионализм, что означает обогащение и конкретность. В историческом христианстве был ослаблен пророческий элемент, присущий христианству, и потому оно перестало играть активную и руководящую роль в истории. Была исключительная обращенность назад, к свету прошлого. Но должен возгореться свет, идущий от грядущего. Пророчество всегда предполагает свет грядущего. Это и есть эсхатологическое христианство. Усиление эсхатологизма, т. е. пророческой обращенности к грядущему, должно быть характеристикой новой эпохи в христианстве. Мучающая нас слабость христианства, всех христианских Церквей перед бурными и сильными, часто демоническими движениями мира может быть объяснена тем, что оно находится как бы в антракте между христианством историческим, обращенным к свету, идущему от прошлого, и христианством эсхатологическим с его обращенностью к свету, идущему от будущего. Думаю, что и в православии была своя историческая ограниченность, которая должна быть преодолена, и оно нуждается в восполнении. Но в русских религиозных исканиях и русской религиозной мысли, возникших на почве православия, была устремленность к грядущему, на знаке Св. Духа, т. е. был сильнее элемент пророческий и эсхатологический, чем в западном христианстве.

В новую христианскую эпоху должен происходить двойной процесс. С одной стороны будет происходить усиление внутренней духовной жизни, т. е. началу качественному будет дано преобладание над началом количественным. Исключительно внешние формы богопочитания и внешние церковные институты не будут служить главным источником для характеристики состояния христианской жизни в мире. Это есть победа над тем, что можно было бы назвать социоморфизмом в религии, т. е. давлением социальных отношений людей, не вышедших еще из состояния рабства, которые распространяют свою власть и на самую догматику. Этот социоморфизм был одной из причин безбожия в мире. Приспособление к структуре общества и к господствующим в нем силам искажало христианство в истории и вызывало вражду. Духовную глубину христианства перестали замечать. Для того, чтобы христианство могло влиять на процессы, происходящие в мире, и просветлять тьму мира, оно должно быть независимо от этих процессов и этой тьмы, возвышаться над социальными отношениями людей, в которых порождаются все новые и новые формы рабства. Это одна сторона вопроса. Она может быть понята так, что христианство должно стать менее социальным в дурном смысле слова, т. е. стать более свободным от определяемости социальной средой. Но есть другая сторона. Христианство должно стать более социальным, т. е. более раскрыть христианскую правду о человеческом обществе. Христианство из собственной глубины должно благословить социальное переустройство общества, а не восставать против этого переустройства во имя сохранения связи со старым обществом, несправедливым и совсем не христианским. Дело христианства не бояться социального движения в мире, не бесцельно бороться против него, а одухотворять его, стараться излечивать его от примешивающихся к нему ядов, от яда ненависти. Таково единственное верное отношение к коммунизму, который есть самое серьезное явление современного мира. Нужно перестать с ним внешне бороться, что оказывается лишь на руку фашизму, явлению гораздо более антихристианскому, нужно стремиться к его внутренней трансформации. Такая трансформация возможна, и она постепенно происходит. Христианская Церковь не может связывать себя с определенными политическими приемами и зависеть от них. Образование католических партий в Европе, как например в Бельгии, есть ошибка, и партии эти обычно уклоняются вправо. Но христианская Церковь не может не иметь своего отношения к социальной жизни и происходящей в ней борьбе, не может не совершать своих оценок, духовных и моральных, с высоты христианской истины. Христианству в чистом виде присуща идея братства

людей и народов. Идея братского общества взята из христианства социалистическими и коммунистическими движениями. Но христианство в истории заражалось интересами господствующих классов, окрашивалось в цвет общества феодального или буржуазного, освещало самые ненавистнические националистические идеологии. Слишком многое в исторических конфессиях определялось не из глубин христианской истины, а из относительных и преходящих исторических условий, из национальных особенностей в исторической судьбе народов, из различия народных душевных типов. И исторически относительное нередко догматизировалось и выдавалось за абсолютную истину. Исторический спор католицизма, которое есть по преимуществу христианство западное, и православия, которое есть по преимуществу христианство восточное, принимал характер спора церковно-догматического. И эти две ветви христианства разделяет разное понимание организации Церкви. Но бесспорно огромную роль играли различия исторических путей со всех их относительностью, особенности национальных характеров, разные типы духовного опыта, которые одинаково должны быть признаны христианами. В доме Отца обитателей много. Но зависимость христиан от процессов истории, приспособление к кристаллизовавшемуся строю общества были так велики, что многообразие, которое должно быть богатством бытия, превращалось в источник раздора и вражды. Единство противопоставалось многообразию, в то время как они совсем не противоположны. Относительному придавалось абсолютное значение. Только движение в глубину духовности может преодолеть этот раздор, связанный с властью исторически относительной, с социальными влияниями.

Мир проходит не только через кризис социальный, но и через глубокий кризис культуры. Многие воспринимают этот кризис как варваризацию. Теряются формы, выработанные длительным культурным процессом. Я уже писал об этом, как о переходе мира в жидкое состояние. Нет более твердых тел. И хотя деспотическим путем насилия создать твердые тела. Но внутренний распад, как бы насильем не приводить его к единству, не может не сказаться и не окажется сильнее этого призрачного единства. Подлинное политическое, социальное, культурное единство может быть лишь результатом духовного единства. Но этого единства нет даже внутри самого христианства. Поэтому современный мир проходит через очень трудный период. Мне приходилось уже не раз выражать эту мысль, что кончается день новой истории, и мы вступаем в ночную эпоху. Иррациональные силы истории, прикрытые рационализмом последних веков, обнаруживают себя и сбивают с толку тех, которые

слишком верили в прогресс разума. Гуманистическая культура переживает упадок. И во Франции, стране наиболее утонченной культуры, проповедуются философия отчаяния и небытия. Это особенно остро чувствуется по контрасту с французским интеллектуализмом. Но когда наступает ночная эпоха, то вопрос религиозный делается основным. Кризис культуры не может быть преодолен одними средствами культуры, потрясенной в своих основах. Необходимо обращение к более глубоким силам. Само христианство давно уже стало составной частью той культуры, которая переживает потрясение. Кризис культуры является и его кризисом. Оно претерпевает все раздоры, свойственные современной цивилизации. Нужно обратиться к той духовной глубине христианства, которая не может быть задета кризисом и раздорами поверхностных слоев. И из этой глубины могут раздаться новые слова, которые будут пророческими словами. В восточном христианстве, в православии, была недостаточная выявленность, недостаточная актуализированность. Оно долгие века находилось в замкнутом состоянии и не разделяло той сложной судьбы культуры, с которой были связаны и католичество и протестантизм. Оно не надорвало своих сил во внешней активности. Центром православия является Россия. И огромная роль, которую будет играть Россия в наступающий период истории, не может не распространиться и на православие, на восточное христианство, на русскую религиозность. Православие может быть более благоприятной почвой для сближения и объединения, чем западные христианские исповедания, которые очень враждовали в прошлом и сохранили тяжелые воспоминания. Но для этого в восточном христианстве должен пробудиться дух вселенскости, который был слаб и недостаточно выявлен. Между тем как дух вселенскости был очень силен в русских духовных и социальных течениях, он принадлежит русской идее. Русский народ — народ противоречий, совмещающий в себе полярные противоположности. Но на одном из своих полюсов он стремится к вселенскому единству. Это есть и в русском коммунизме. Русская идея полярно противоположна германской идее господства. И Россия может сыграть огромную роль в мировом объединении, если она победит свои соблазны. Еще в 1914 году, в первый год той войны, я написал статью «Конец Европы». Я хотел сказать, что мировая война приведет к тому, что Европа перестанет быть монополистом культуры. Кровавый раздор войны приведет в конце концов к возникновению мировой культуры, в которую войдет как важный фактор Россия, Азия и Америка. Но европейской культуре придется пройти через ночь. В Германии мы видим сумерки богов, так осуществляет она свою идею, заложенную

еще в древней германской мифологии. Во время последней войны германский нацизм выдвинул лживую и наглую идею новой Европы, за которой скрывалось мировое господство Германии. Эта идея задумывалась без расчета на Россию. Теперь нельзя уже строить новую Европу, можно лишь строить новую вселенную. Может быть предстоит еще вселенский период истории. Но к свету этого вселенского периода придется идти через тьму. И духовная задача в том, чтобы эта тьма не задела нас.

В нашу смутную и мучительную эпоху ответственность христиан безмерно велика. Раньше христиане жили в устоявшемся, долгими столетиями оформлявшемся быте, жили по наследству передаваемыми традициями. Теперь христианин поставлен перед личным выбором, и его личный духовный опыт играет гораздо большую роль. Дехристианизация мира, власть материальной, технической цивилизации над человеческой жизнью требуют от человека повышенной духовности. Без нее человек будет растерзан темным состоянием мира. Но христиане должны сознать свою ответственность за дехристианизацию мира. Их христианство часто бывало таким, что не могло не вызвать восстания против христианства. Духовные ценности начали вытесняться из жизни, потому что ими слишком часто пользовались для оправдания несправедливости и рабства. Совсем не соответствует христианской истине поза презрительного самодовольства людей, сознающих себя пребывающими в истине, а других, христиан или антихристиан, тяжело виноватыми и ответственными за пребывание во тьме. Может быть пребывающие в истине более виноваты и ответственны, чем те, которые страдают во тьме. Мир корчится от тоски и муки, и представители христианской истины не всегда дают удовлетворительный ответ на вопрошения людей мира, мира во тьме. Иногда ответы, которые даются, звучат издевательством над страданиями и мучениями людей. Иногда мучающиеся во тьме бывают лучше тех, которые сознают себя носителями света. Христианская правда заключается в том, что нужно принять на себя ответственность за человеческие муки. Безбожие, существующее в мире, не есть только предмет обличения и осуждения христиан, но в гораздо большей степени есть хороший повод для покаяния в собственном грехе. Страдающее безбожие иногда может быть более угодно Богу, чем самодовольная форма рабьего богопочитания. В христианстве должен происходить очистительный процесс. Столь желанное единство христианского мира не может быть разделением на спасающихся и погибающих, оно может быть лишь единством божественной человечности, братским отношением и к погибающим. Да и никто не знает, не являются ли

спасающиеся иногда наиболее погибающими. Это есть морально-духовная правда, но она должна иметь и свое социально-историческое проявление. В связи с этим меняется тактика христиан, она должна быть приведена в соответствие с современным состоянием мира, не похожим на те времена, когда вырабатывались старые формы апологетики и миссионерской деятельности. Современный человек поставлен не только перед ступающей тьмой, но и перед возможным возгоранием света во тьме. Но тьма мира очень велика, и она требует большей духовной просветленности, глубокого вживания в эпоху Духа.

Николай Бердяев

НЕОТЛОЖНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ

Уже много веков — со времен Возрождения — христианство занимает оборонительную позицию.

Церковные иерархи защищали светскую власть, справедливо оспариваемую государством. Затем им пришлось оборонять власть духовную, на которую государство посягало несправедливо. Учители Церкви защищались то от нападок скептицизма, возникшего из картезианства, то от историзма и филологии, то от социологических и философских систем, которые закишели в XIX веке, облекаясь в понятия непереводаемые в плоскость привычных философских категорий. Верующим же приходилось защищаться от повседневной и многоликой, постоянно — хотя и незаметно — возрастающей угрозы умственных и житейских навыков, все менее и менее соответствующих духовным началам: и не зная этого, не смея в этом сознаться, христиане в Европе да и всюду превращались в меньшинство преследуемое исподтишка. Это преследование булавочными уколами, полуулыбками, интеллигентским сарказмом, обосновывающимся на «последнем слове науки», даже терпимость к «религиозным пережиткам» вредили Церкви в такой же мере, в какой ей были полезны римские гонения первых веков.

Всюду, на протяжении XVIII, а особенно XIX веков, было заметно истощение крайних, наиболее отважных и созидательных разновидностей христианских исповеданий. Шло отступление под натиском неверия, допускались компромиссы, сдавались позиции слишком явно угрожаемые скептицизмом. Вот хотя бы два примера: мистическое движение угасало в лоне римского католицизма в то самое время, как у протестантоов трансцендентальный теоцентризм реформаторов уступал место морализму, сосредоточенному на человеке.

Вполне спокойно — во имя спасения своего тела — Церкви отказывались, если не от самой души, то, по крайней мере, от той пламенной запальчивости, которая всегда является признаком и

символом духа. Покорный сын Рима, великий Поль Клодель, мог писать к концу этого периода, что на вопрос «если соль утратит свою силу, чем ее исправить?» современные католики отвечали: «сахаром»! Замечание это, к несчастью, применимо ко многим другим Церквям. Оно определяет целую эпоху.

Думается, с войной эпоха эта кончилась. Обосновать это предположение можно рядом фактов.

Что тоталитаризм нарушил обманчивый мир, который, казалось, царил между обществом и Церковью, — что он внезапно установил, что христиане в меньшинстве, — что он открыто пошел на них походом во имя антихристианских принципов, как национализм или расизм, допускаемых самими верующими, — что тоталитаризм этот был, наконец, уничтожен, но крайней мере в своих наиболее явных и резких формах, все это, от бурного нарастания тоталитаризма вплоть до его падения, было для всех Церквей испытанием силы, состязанием, очищением, толчком к пробуждению.

Несомненно и то, что мирская культура, нехристианская или антихристианская, которая претендовала на замену собою религии и тщалась привести современный мир к раю без Бога, обнаружила свою подлинную немощь перед натиском варварских диктатур. Она признала свою неспособность определить цели жизни, идеалы и нравственные начала более реально и действительно, нежели христианство.

Не подлежит сомнению, что «последнее слово науки» позволяет сомневаться в непреложности и подлинности догматов лишь все меньше и меньше, а не все больше и больше, как то было в прошлом. Время научных доводов против Книги Бытия, против сотворения мира Богом, против его назначения, против существования духа и т. д., повидимому, прошло надолго.

Таким же неоспоримым фактом является, наконец, то, что за последние два десятилетия три главных христианских вероисповедания нашли мужество вновь утвердить свою позицию, даже самую крайнюю, с полной независимостью в отношении своих критиков извне. У католиков — возреждение томизма, изучение мистики. У протестантов — восстановление реформатской догматики. Выявление могущественной и очищенной православной Церкви — на Востоке. Сказать, однако, что для христианских Церквей оборонительная эпоха завершилась в наши дни — значило бы поставить их перед дилеммой: предаться сну или перейти к наступлению.

*
**

Надо признать, что действительность после нашей тридцатилетней войны мало походит на победу. Страны проигравшие войну проиграли все. Выигравшие ее не выиграли ничего: ценою жертв «почти» равных тем, на которые пришлось бы пойти в случае капитуляции, они лишь отсрочили угрожающую опасность. В этом «почти» заключена грань между честью и бесчестьем, между жизнью и смертью.

Что видят сегодня перед собою народы? И побежденные, и победители, изуровненные войной, все ищут утопии. Иные держатся устаревших кумиров и пытаются возродить национализм, осужденный опытом едва миновавших бедствий. Другие воображают, что простым перемещением таких предметов, как вещественные ценности, например, можно упорядочить жизнь. Третьи, возводя в теорию собственную слабость, вырабатывают нигилистические учения, прибегая при этом к философскому жаргону, который их, по крайней мере, хоть обезвреживает.

Перед лицом такой несостоятельности мышления и нравственности государству приходится усугублять свою власть мероприятиями, в их обобщениях обезличивающих и ущемляющих всякое индивидуальное человеческое призвание. Иначе говоря, Церкви, уже не встречающие враждебных учений, оказываются перед небывалой еще доктринальной пустотой. Сама уже эта пустота равносильна призыву, повелительному и трагически срочному.

Можно сказать и так. Церквям и их проповедникам меньше чем когда либо приходится стараться опровергать доводы неверия. Они просто должны стремиться передать свою веру в самой наступательной простодушности, — бросить утопающему спасательный круг.

Как мирянин, пребывающий в Церкви и сознающий ее возможности вовне, я отдаю себе отчет в кричащей нужде нашего времени. От Церкви я жду многого:

1) Выдвижения ею применимой к жизни формы человеческих отношений, как уже было в темные века до расцвета Средневековья, бывшего достижением Церкви. Надлежит восстановить сознание жизненной общности, почти уничтоженное исполнением масштабом наших административных систем, господством денег, блуждающей промышленностью и вынужденными миграциями человеческих масс. Государству оказалась вверенной безграничная регламентация, часто полезная, но отнюдь не являющаяся основной нормой в жизни человечества. Я бы желал XX-му веку христианской социологии.

2) Выдвижения Церковью же и новой реальной формы культурных отношений. Пусть Церковь, дерзая вновь, поддержит передовую интеллигенцию. Она должна помочь культурным силам вместо того, чтобы сохранять устаревшую и уже вполне академическую позицию недоверия по отношению к искусству, которое остается священным, и живой культуре, которая была оставлена ею в полном разброде. От современных богословов требуется политика активного вмешательства вместо добродетельного негодования по адресу новых школ мысли, лишенных объединяющего начала, общего мерила, духовного дерзания. Вся западная культура — музыка, живопись, философия, литература — вышла из храмов и монастырей. И из них она действительно уже вышла совершенно. Настало время за ней пойти, чтобы снова водворить ее.

3) Отказа Церкви от защиты плачевной и бессильной буржуазной морали, с которой слишком много христиан смешивают добродетель. Верующим должно быть возвращено сознание личного признания, как основы чисто христианской нравственности. «Будьте разумными», говорили нам проповедники в продолжении двух столетий. «Будьте безумными», сказал апостол Павел коринфянам. «Дерзайте быть невероятными», говорит Киркегаард*). Сдается мне, что лучшие из находящихся вне Церкви жаждут ныне услышать именно эти голоса. «Безумие Креста», а не буржуазное благоразумие. Увлекающее вперед и ввысь, а не удерживающее по его сторону житейского моря.

4) Решительного утверждения Церковью превосходства ее Главы над всеми абсолютизмами национализма, этатизма и партийности. Если когда-либо дух подлинно интернациональный, или «глобальный», как говорят американцы, утвердится на нашей планете, то совершится это лишь во имя начала превосходящего нашу национальную, политическую или расовую принадлежность. И поэтому экуменическое, вселенское движение приобретает основоположное политическое значение для нашего века: оно может служить конкретным прообразом всемирного единства. Да что говорить «может», — оно должно им служить. Если бы ему это не удалось, не было бы основания ожидать для мира ничего кроме тиранов, их войн и порождаемого ими гнета.

---

*) Киркегаард хочет сказать этим быть «несравнимыми», «единственными», «неповторимыми». Он обращается к тем, кому Бог ниспослал непрерываемое призвание и добавляет, что ни одно призвание не имеет прецедента и, в силу этого, представляется невероятным тому, кому оно дано. Таков случай Авраама.

*
**

Добавлю несколько слов.

Эта программа — которая, с моей точки зрения, содержит в себе наибольшие шансы для христианского дела в XX веке — была бы чистой утопией, если бы христиане предоставили ее осуществление самой Церкви. Церкви, как организованное целое, могут лишь поддержать действенность христиан и дать ей кадры. Действие же может быть осуществлено, как оно всегда и осуществлялось, через отдельных людей и небольшие группы людей, несколькими «Христа ради юродивыми», как Франциск Ассизский, меньшей братней собирающейся в горнице, неприметными мистиками, людьми, которым расточают упреки в преувеличении, в мечтательности, в отсутствии здравого смысла, в стремлении к необъятному. Быть может, даже это совершится через скромные сборники в роде «Третьего Часа».

Д. де Ружемон

КОММЕНТАРИЙ К ДВУМ ЦИТАТАМ

(ДОСТОЕВСКИЙ И РОЗАНОВ)

Жизнь превратилась в процесс. Она давно перестала быть данностью. Для того, чтобы жить — необходимо непрерывное внутреннее оправдание. Былое, установленное для всех, — отнято. Оно закрыто формулами. Теперь оно добывается наново. Новым опытом. В свете современного сознания. — совести, что-ли — никто не подумает сделать магометанство ответственным за кризис современной цивилизации. Почему? Потому что, несмотря на численное превосходство, магометанство не играло главной роли в современной мировой культуре. Но о кризисе христианства не перестают писать и говорить уже больше ста лет. Кризис современности и начался с кризиса христианской культуры. В духовно опустошенном пространстве официальное или номинальное христианство давно скомпрометировано. Событиями последних лет оно сильно расшатано. В нем было больше всего заложено страданий, надежд, творчества, и ему надлежало сделать жизнь иной. Иной на земле. Поскольку установленное христианство от «мира сего», и от него не отказывается, постольку оно и ответственно за происшедший ужас. Ответственно за мученичество, которому равного не было со времени первых веков. Тогда было мученичество за веру, и на нем была воздвигнута Церковь. Теперь — страшная ответственность за *бессмысленность* мученичества, там, где Церковь с достаточной отчетливостью не видит ни правых, ни виноватых. Ответственно за предельное, до последних глубин поругание духа в униженном человеке. За ненависть социальную, расовую, политическую. Оно ответственно и за лицемерие и ложь, эту ненависть прикрывающие. За раздвоение, признанное беспорной необходимостью, между духовной жизнью и действительностью — «реальной политикой». За непрерывный оппортунизм духовного опыта в его столкновении с опытом материальным. Все это не отрицается, но и не признается. Обходится молчанием. Или же идет торговля: в какой мере соглашаться на признание фактов. С одной стороны лилась кровь, с дру-

гой — чернила. Те, кто отдавали жизнь, были мужественны, беспечно великодушны, другие — до сих пор торгуются. Льют мертвую воду на все, что еще живо, превращая остаток жизни в лужу политики.

Конечно, наряду с этим существует абсолютное христианство, каждому данное в меру его сил. Оно создается живым религиозным опытом внутренних преодолений, приближением к духу и слову Евангельскому через страдание (реальное страдание, а не метафорическое), сознанием безусловной и бесстрашной необходимости жертвы. Но такое христианство было и осталось проявлением опыта всегда только исключительного.

Индивидуальное христианство — не только подвижник в ски-ту, но и мальчик, умирающий за родину, и мать, молящаяся за сына, и солдаты с удивительными лицами, у которых винтовка на плече, а на другом где-то подобранный ребенок (все равно какой — китайский, японский или русский), но это не... «реальная политика». Или, вернее, в смысле христианском, это только и есть реальная политика, и никакой иной не существует.

Так ли все это? Если нет, тогда, конечно, все в порядке, и «ничего не случилось». Если же «что-то случилось», действительно и бесповоротно, то, говоря сейчас о христианстве, не в плане личном и интимном, а публично, трудно отделаться от ощущения, что вместо хлеба предлагается камень. Опять много говорят о христианстве все ищущие путей духа. Как после каждой катастрофы, оно мерцает надеждой утоления духовного голода и чувства элементарной справедливости, но, не проделав огромной работы на совершенно новых основаниях, ни к чему нельзя притти, и никакого доверия у людей уже не встретить. Произойдет опять только реакция на историческую действительность, но по существу ведущая к тому, что было.

Возмущение — не подлинная реакция, и не в нем сейчас правда. Ведь все говорят приблизительно то же самое. Одни, считая себя христианами, другие — атеистами. Воздух отравлен для всех.

Уже Достоевский говорил: «Мы кончили наш 'культурный период' тем, что повсеместно перестали понимать друг друга. Конечно, я говорю лишь о серьезных и искренних людях, — это они только не понимают друг друга, а спекулянты дело другое: те друг друга всегда понимают».

Между тем живая вера — единственный смысл жизни. Без нее все становится теперь похожим только на бред. Вера связана с Церковью. С Церковью невидимой, свидетельствующей об Истине и хранительницей благодати в вечности. Но эта невидимая Церковь — в сердцах людей, а ее выражением является жизнь в Церкви

видимой, с нею мы связаны в каждом моменте существования. Отказаться от этой связи невозможно, не утратив связь с Церковью мистической. Тем, для кого это действительно невозможно, — что делать? Как согласовать неразрешимые противоречия?

Считает ли христианство (официальное) себя ответственным перед жизнью и перед историей? Отказывается ли оно от перенесения этой ответственности на других, т. е. на государство, на общество, на науку, технический прогресс и пр.? Есть ли массовое, историческое христианство, подлинная духовная реальность, или же оно всегда было только фикцией и заблуждением? Истинный смысл христианства не только ли в индивидуальном его значении и опыте личном, вне связи с социальным процессом, т. е. частное дело каждого отдельного человека, независимое от всего происходящего в мире? Как же тогда связь Церкви с государством? Необходимо ли она? И если необходима, то как временный компромисс или же как органическая необходимость? Как согласовать «воск» церкви с «железом» государства? Каким должно быть новое христианское сознание, да и существует ли такое новое христианское сознание, чем определяется его «новизна»? Как сделать сейчас, в данную минуту, пока опять все не забыто, чтобы кровь миллионов и неслыханные страдания не оказались напрасными, чтобы принесенные жертвы не стали предметом спекуляции — какой бы то ни было? Вопросы эти неотступны, но на них нет никакого ответа кроме «академического». Единственным ответом является история. Ее движением сейчас возвращается казавшаяся уже заглохшей русская мессианистическая идея. В хаосе европейской культуры и при всеобщей растерянности, лишь она одна обнаруживает себя в духовной динамике, целостным устремлением в будущее, и лишь в ней одна надежда на разрешение противоречий: церкви и государства, индивидуума и общины. Со времени возникновения этой идеи весь процесс европейской культуры не сумел противопоставить ей ничто иное равноценное. Не сумел, потому что ее, в сущности, не замечали, считая лишь мистической утопией, и только теперь в Европе при общем удивлении происходит ее «открытие». Да и в самой России, в годы революции, она казалась лишь мистической отрыжкой прошлого, несозвучной тому, что там происходило, и нужна была зоркость таких людей как Блок, чтобы разглядеть ее претворение в новую концепцию истории. Сейчас она возвращается не в виде мистических туманностей, а почти как буквальное осуществление пророчества русских духовидцев. Дело не в приоритете русской идеи над какой-либо иной, как этого теперь так часто

боятся, а в том, что идея всечеловечности и всеединства была выражением духовной правды русского народа в его высших чаяниях. Ее исключительность, ее единственность в мире обнаруживается сейчас с потрясающей силой, и всякая иная идея — живая, не замкнутая в неподвижную сферу — повидимому, теперь неизбежно включается в русскую идею, а не противопоставляется ей.

Даже философия пустоты и отчаяния, модная сейчас в Париже, что-то уж очень похожа на былой русский нигилизм, только в новейшей, сюрреалистической формации. Станет ли русская идея высшей свободой духа, вселенской соборностью, не в смысле церковной терминологии, а духовным всеединством, о котором мечтали лучшие русские умы, на это ответит теперь жизнь. Время теоретических решений и проблематики, повидимому, прошло. Вся русская историософия, во всяком случае, вела в этом направлении, в каких бы противоречиях, социальных, политических и религиозных она ни выражалась.

Сложность вопроса в том, что в России Церковь опять, как и прежде, тесно связывается с государством. Связь эта, повидимому, нерасторжима для данного момента. Быть может, она окажется нерасторжимой вообще, и произойдет органическое слияние Церкви и государства, в форме нового быта и новой государственности. Но сейчас, в данный момент, в зависимости от того, как разрешится взаимодействие Церкви и государства на новых началах, определится будущий духовный путь России и ее роль в остальном духовном мире. Социальный и политический план предшествовал там плану религиозному, для которого он расчистил дорогу. Поэтому многое зависит сейчас больше от самой Церкви, чем от государства. Все дело в том, насколько церковное возрождение обладает достаточным накоплением духовных сил для своего полного обновления, и поскольку оно станет подлинным выражением духовной жизни народной, которая сохранилась, пройдя через четверть века официального богоборчества.

Опыт келейный и опыт соборный. Опять к этим, казалось, давно обветшавшим понятиям возвращается мысль. Только соборный опыт имеет сейчас для Церкви реальное значение как живая сила, потому что он опыт народный. Без соборного опыта жить в Церкви нечем. Она либо питается прошлым накопленным опытом, изживая его, или творит опыт новый. В России люди не равнодушные к духовной жизни, это всегда сознавали. Но где сейчас соборный опыт европейской Церкви? Участвует ли там народ в жизни Церкви и в ее судьбах? Келейный опыт — дело личное. При всем

его огромном значении, учесть его невозможно. Он так же скрыт, как и созерцательная жизнь, воздействуя на мир невидимыми путями. Когда же он кончается — вместе с жизнью — то становится уже частью опыта народного. Если он был опытом подлинным, конечно. Так было всегда, и на Западе, и в России. Святые, вероятно, существуют и теперь — повсюду, но мы не видим их вмешательства в тот сумасшедший мир, в котором мы живем. Сейчас, может быть, последняя надежда поставлена на карту. Сумасшествие началось давно, и Достоевский к концу своей жизни был на границах отчаяния, когда писал: *«Я утверждаю, что сознание своего бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном убеждении в страданиях человечества, может обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему».*

Все отрицательное об историческом христианстве давно известно. Ничего нового к тому, что уже столько раз было сказано, не прибавить. Между тем, без Церкви жить невозможно. В России это обнаружилось с потрясающей очевидностью. Народ в своих недрах сохранил веру, и сохранил чувство живой связи с Церковью, и тем ее возродил, как необходимость. Здесь церкви переполнены. Все церкви: и католические, и протестантские. Правда, их наполняет, кажется, не столько народ, сколько публика. Толпа присутствует. Но она присутствует благоговейно. Приготовленная к принятию и приготовленная к действию. Ее приводит ужасный духовный голод, с которым Церковь не знает что делать. Она относится к нему холодно и традиционно-формально. Но этот голод говорит о том, что не «безбожники» и не «малoverы» виновны в духовном опустошении мира. Но кто тогда? Никто не виноват. И здесь отсутствие ответственности. Оно утрачено. В конечном счете — призрак, мираж.

Об ответственности духовенства тоже немало было сказано. Опять таки, каждый в отдельности среди духовенства — за редким исключением — это понимает, способен понять, в то время, как в своем целом оно — духовенство — представляет собою аморфную, косную, неспособную к действию массу. Значит ли это, что каждый отдельный представитель духовенства (всякого духовенства) больше, значительнее чем его целое? Он и больше, и меньше своего целого. В этом его диалектика. Поскольку целое проявляет себя как таковое, движимое не верой, а чем угодно иным, политикой, административным подчинением и пр. — в нем нейтрализуется и угашается опыт индивидуальный. Выключенный из клира, каждый

отдельный представитель его — частица живого христианского сознания и живого опыта. Приведенный в подчинение целому, индивидуальный религиозный опыт не участвует в творчестве опыта коллективного, как это бывало в эпоху высокого духовного творчества монастырей. Нет, теперь похоже на то, что индивидуальный опыт в коллективе уничтожается, как бы испаряется. Учитывается ли кривая подъема и падения в духовной жизни коллектива? Неизвестно, так как на первом месте видна не столько вера, сколько высшая политика.

Все положительное и отрадное, что может быть помещено на веса Церкви в эти страшные годы, приходится не на Церковь как таковую, действовавшую от своего лица, от своего единства и духовного авторитета, а было действием отдельных лиц, актами индивидуального мужества, воли, героизма — часто наряду с параллельно отрицательным явлением в той же среде. И это действие были практически. Спасали людей, боролись верующие (среди священников) делом, а не словом.

Между тем, при всем ужасе пережитого и происходящего, очень многим дано почувствовать не только перспективу будущего, т. е. «оптимистические горизонты», но уже реальное ощущение нового мира, какое-то «потрясение духовных основ», и, может быть, зарождение совершенно новой духовной силы. Что это такое? — Духовная революция?

В Апокалипсисе наших дней осуществится ли наконец то, над чем так томился Розанов, когда он в годы своего Апокалипсиса, в хаосе первых лет русской революции задумывался над тем, что в надвигавшемся катаклизме не видел никакого движения в Церкви, никакого сдвига и желания пойти с жизнью по новому пути. Каков сейчас этот новый путь Церкви? Или же это опять только иллюзия, и для официальной Церкви роковая невозможность новых путей предрешена навсегда, так как все уже сказано, и, как говорит Великий Инквизитор, ничего к этому сказанному ни человек, ни Бог уже «не имеет права» что-либо прибавить?

Вот что говорит Розанов: *«Ужасно страшно, что люди, народы, человечество переживают апокалиптический кризис. Но что само христианство кризиса не переживает. Это до того очевидно, до того читается в самом Апокалипсисе, что поразительно, каким образом ни единый из читателей и бесчисленных толкователей этого совершенно не заметил. Народы «поют новую песню», утешаются, облачаются в белую одежду и ходят «к дереву жизни», на «источники вод». Куда ни паты, ни прежние священники вовсе никого не водили».*

Русское религиозное сознание не прошло мимо Достоевского и Розанова. Не только общественное, но и церковное сознание. Оба они окончательно разбудили совесть, вооружив ее против лицемерия и фарисейства. Русская совесть так же грешна, как и всякая другая. От одного она, кажется, свободна: от лицемерия и лжи. Это не характерные черты русского человека, они для него нестерпимы. Скорее ему свойственно иступленное покаяние. Во всяком случае, думается, что Великому Инквизитору в России уже больше нет места, ни при каких обстоятельствах, и это немалое достижение.

Не случайно то, что несмотря на «несозвучие» Достоевского и Розанова революционному периоду русской истории, вся культура этого периода была окрашена в моралистические тона. Проблема коммунистической этики, совести и морали была главной заботой русской литературы в революционные годы. То, что было утрачено историческим христианством, стало в извращенном виде основой этики революционной и утверждалось воинственными богоборцами. В этом был один из парадоксов времени. Совесть не была убита в России и в те годы, но она питалась больше ненавистью, чем любовью. А любили и в то время горячо и страстно. Конечно, не антирелигиозные слова извращают понятия, так же как и не катехизис и не богословие создают христианство. Думается, что оно творится тогда, когда рождается «радость прощения», как говорит Розанов. Когда «сквозь прежние черты лица, без перемены их, льется не мрак, а свет; и тот же образ из демонского стал ангельским, почти божеским».

Что же случилось «нового» в мире за эти страшные годы? Не унижение человеческого достоинства, доведенное до предельных границ. Это не новое. Только в такой чудовищной степени его еще не было. И не физическая пытка. Она тоже не нова. В ней поражают воображение лишь цифры и техника.

Безусловно новое — «упразднение этического» в массовом масштабе. Освобожденность целого народа от морального сознания.

Когда-то Достоевскому понадобилось доказать невозможность для человека перейти через сознательно совершенное убийство. Как это далеко сейчас и непостижимо. Миллионы убийств совершались в наши дни без какого-либо ощущения преступности. Палачи сами свидетельствуют об этом. И не только палачи. Не было ни одного случая раскаяния. Не было и чувства ответственности за совершенное. Все переносят ее один на другого. Чем достигается это раскрепощение морали? До сих пор проблема преодоления этики была едва ли не самой трудной проблемой сознания. Оказывается,

что мир настолько изменился, что это вообще перестало быть проблемой, и возникает проблема обратная. Как вернуть моральное сознание тем, у кого его больше нет и кому оно больше не нужно?

Новая категория таких людей, свободных от этики и морали, существует теперь повсюду. С этим фактом нельзя уже не считаться.

Любопытно, что ересь тоже не играет больше роли. Когда-то железом и огнем уточняли веру. Сейчас ереси как будто и не бывало. Даже служение Вotanу — недостаточно, чтобы за него отлучали. Все стали необычайно ортодоксальны, и происходит только столкновение ортодоксальностей, но... каждая из них исключает другую.

Но главное — власть. Как будто весь мир впал в соблазн третьего искушения. Власть стала нужнее, чем самая жизнь. Довольствуются уже только фикцией жизни, при условии обладания властью. Какой бы то ни было. Конечно, дело не в подчинении власти установленной, а в личном обладании ею, создающем иллюзию существования. Освобожденность от одержимости властью и от преклонения перед нею становится уже признаком какой-то духовной температуры. Быть может, только это и свидетельствуется сейчас о начале духовного опыта. Когда-то Церковь начинала его смирением. Духовное смирение — не оправдание мерзости и не отказ от волевого мужественного отношения к жизни. Но оно единственный путь к творческому преображению, снисканию благодати. Прошло сто лет с тех пор, как Киркегаард взывал к Святому Духу: *«О, Дух Святой, молимся мы за себя и за всех. О, Дух Святой, Ты, который оживляешь; не в талантах, культуре и хитроумии нуждаемся, их скорее слишком много тут, а нуждаемся мы в отнятии у нас властолюбия и дарования жизни. Правда, что человек испытывает содрогание, равное смерти, когда Ты — чтобы стать в нем властью — отнимаешь у него власть. Но неужели человек не в силах понять благодетелья, которое Ты оказываешь, когда отнимаешь власть и даруешь жизнь?»*

Никто в мире тогда голос Киркегаарда не расслышал. Опыт его был личным. Теперь стал он всенародным и современным.

Артур Лурье

ВРЕМЯ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА

Памяти Ю. А. Ш.-Ш.

Недавно в газетах напечатали отчет о процессе, так называемого, «Вельзенского зверя», главаря одного из концентрационных лагерей. Его обвиняли в убийстве сотен тысяч людей. Ряд свидетелей утверждает, что в одну ночь он умертвил газом 80 тысяч душ. Г-н Крамер (так зовут этого «зверя») — отрицает.

Может быть из всех новостей, что нам приходилось читать за последнее время, заметки об этом процессе больше всего свидетельствуют о безумии нашего века. Бывали и раньше случаи преступлений и убийства; бывало и раньше, что убийца или предполагаемый убийца отрицал свою вину. Но что можно всерьез утверждать: «я не убивал в такую-то ночь 80-ти тысяч», и на этом строить свою защиту, а цивилизованный мир, в лице своих судей, собирает факты, свидетельствующие о противном: «нет, в такую-то ночь вы именно пропустили 80 тысяч»... в этом есть нечто уже безусловно от сумасшедшего дома, — для обеих сторон! Бешенство. Не фигуральное, не символическое, не литературное, а самое подлинное, патологическое, описанное в скучных учебных пособиях. И нет никакого основания предполагать, что эта болезнь уже достигла своих крайних форм выражения. А между тем, наша культура, с правом, считается христианской: Церковь, в большей или меньшей мере, принимала участие в ее построении. И наступает, наступило, время, когда сказать о себе: я христианин... становится немного стыдно. О том, что мы идем к безусловной катастрофе возвещали уже многие мыслители. Раньше — реже, а потом все чаще и чаще. Один из первых в их среде был Николай Федоров, самый замечательный и оригинальный русский философ. В противоположность другим он не ограничился только анализом положения, а указал путь, способный спасти человечество, объединив его вокруг одного, общего дела: борьбы с нищетой, болезнями, смертью и, в конечном счете, воскрешения уже умерших предков. В конце прошлого века,

в своей записке «Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е., немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства», Федоров заявлял следующее:

«19-тый век приближается к своему печальному и мрачному концу. Он идет не к свету и не к радости, ему можно уже дать имя, и его можно назвать в противоположность так называемому веку просвещения и филантропии 18-тому, и предшествовавшим ему векам с эпохи возрождения, веком восстановления предрассудков и суеверий и отрицания филантропии и гуманизма; но не те суеверия восстанавливает он, которые в Средние Века облегчали жизнь, пробуждали надежду, а те, которые в эти века делали жизнь невыносимой; 19-тый век восстановил веру в зло и отрекся от веры в добро; он отрекся от небесного царства и отказался от веры в земное счастье или царство земное, в которое верили в эпоху возрождения и в 18-ом веке, 19-тый век не только век восстановления суеверий, но, как выше сказано, и отрицания филантропии и гуманизма, что особенно видно в учениях современных криминалистов; отрицающая филантропию и усвоив дарвинизм, нынешний век признал борьбу законным делом и из слепого орудия природы стал сознательным ее орудием, органом. Вооружения нынешнего века совершенно согласны с убеждениями века и только отсталые, которые хотят казаться передовыми, усвоив дарвинизм, отвергают войну. Вместе с тем 19-тый век есть прямой вывод, настоящий сын предшествовавших ему веков, прямое последствие разделения небесного и земного, т. е. полное искажение христианства, завет которого заключается в соединении небесного с земным, божественного с человеческим; всеобщее же воскресение, воскресение имманентное, всем сердцем, всею мыслию, всеми действиями, т. е. всеми силами и способностями всех сынов человеческих совершаемое, и есть исполнение этого завета Христа — Сына Божия и вместе Сына Человеческого».

«В бедственный 1891 год, — так начинает Николай Федоров свою «Философию Общего Дела», — когда во многих губерниях, составляющих житницу России, был голод от засухи, ставшей, повидимому, хронической, когда беспрестанно возникали слухи, поддерживавшие напряженное ожидание войны, вдруг стало известно об опытах вызывания дождя посредством взрывчатых веществ, т. е. таких, которые до сих пор употреблялись, можно сказать, исключительно в войнах внешних, а также внутренних, каковы: революции, динамитные заговоры, и т. п. Совпадение нашего голода от засухи с открытием средства против бездождия, при чем средством этим оказывается то самое, что служило лишь для взаимного

истребления, не могло не произвести потрясающего впечатления... И в самом деле, человек сделал, повидимому, все зло, какое только мог, относительно и природы (истощение, опустошение, хищничество), относительно и друг друга (изобретение истребительнейших орудий и вообще средств для взаимного уничтожения); самые пути сообщения, чем особенно гордится современный человек, и те служат лишь стратегии или торговле, войне или барышничеству; а барышничество смотрит на природу именно как на кладовую, откуда можно добывать средства для удобства жизни и наслаждений, и хищнически истребляет и расточает веками накопленные в ней богатства... Все это не могло не привести к отчаянию, ибо всюду, без всякого просвета, виделось одно только зло. И вдруг, как отрадный луч света для «сидящих во тьме и сени смертной», известие, переворачивающее все, благая весть, что все средства, изобретенные для взаимного истребления, становятся средством спасения от голода и является надежда, что разом будет положен конец и голоду, и войне, конец войны без разоружения, которое и невозможно. Это не могло не подействовать даже на неверующих: отъявленный атеист и тот не мог не признать в этом указании Божественного Промысла, указания истинно Божественного на возможность обратить величайшее зло в величайшее благо.

Чтобы лично послушать Федорова, к нему, в каталожную Румянцевской Библиотеки (где он работал до самой смерти, — 1903 года), приходили славнейшие люди того времени: между прочим, Толстой, Соловьев и Достоевский. Они все были покорены этим стариком, его всесторонним образованием, высокой моралью, аскетическим образом жизни; по частям разделяли его учение, писали ему восторженные письма. И все-таки, «видимо», «осязаемо» Федоров не вошел в их творчество: было и есть что-то страшное в его учении, отпугивающее непосвященных. Федоровское «Дело» до сих пор еще не напечатано целиком и даже не известно, какая часть опубликована: десятая или сотая. Ученики его, ближайшие, немало и сумбурно писали о нем. Но Платона своего Федоров еще не обрел.

Нужда и смерть царят в природе. Природа не мать, а мачеха. Бог-Любовь, воскресный и воскрешающий, не хочет смерти и не создавал ее. Смерть явление противоестественное, для христианина, кощунственное. Это ненормальное состояние мира произошло вследствие отпада, распада, разъединения человеческой семьи. Иссякла любовь и наступила смерть. «Они умерли, а мы остались: *значит* мы их недостаточно любили. Они умерли *потому*, что мы их недостаточно любили». Бог обещал нам вечную жизнь и воскресе-

сение из мертвых. Но это не значит, что позволительно сидеть сложа руки и дожидаться этого времени: Бог реализует все, что обещал в Священном Писании через наши руки, через наши мозги. Ветхозаветное: не убий... следует понимать: воскрешай... Ибо для Федорова нет нормальной смерти, нет просто умерших. Есть только: умерщвленные. Поколение вытесняет поколение. Дети биологически душат отцов. И борьба за личное продление жизни и бессмертие, без последующего воскрешения уже вытесненных предков, морально омерзительна. Только для такого дела и можно объединить всех. Ибо, страстно желая воскрешения своих близких, и зная, что в одиночку это ему не по силам, человек будет не за страх, а за совесть, шагать рядом с остальными. Это сознание не одного класса, а всей семьи.

Нужда и смерть — могучие враги. Это враги, подавляющие нас и численно и качественно. И если в современной войне, когда неприятель, извне, вторгается в наши пределы, следует ответить тотальной мобилизацией, то наипаче здесь, в этой первой борьбе с косными силами природы, надлежит объявить всеобщую мобилизацию: населения и ресурсов. Партизанщиной могущественного противника не одолеешь, нужен план, как стратегический, так и тактический. Отсюда Федоровская «армия»: братство сынов для воскрешения умерших отцов. Братство, построенное по образу Св. Троицы: нераздельной и неслиянной. Всенародная армия планомерно тягущаяся со слепыми, стихийными силами природы. Армия, ратующая не за страх, а за совесть, без усталости, — какой там 8-ми часовый рабочий день!

Недавно, в целях вернейшего обуздания неприятеля понадобилась бомба особой убедительности. Были брошены кадры наиболее способных для этого дела ученых, мобилизованы рабочие и естественные богатства, ассигнованы 2 миллиарда долларов: все работали не покладая рук для единой цели, — так родилась атомная бомба. Точно также надо действовать для восстановления, воскрешения. И так как ресурсов и рабочих рук на все не хватает, то надо ограничиться производством только предметов первой необходимости, — как в военное время. Лозунг Геринга: «масло или пушки»... совсем не бессмыслен. Беда нации, которая живет только для «масла», удовольствий или комфорта, и забывает об орудиях, способных доканать врага. Только «пушки» и микроскопы Федорова направлены не против славян или французикув, а против подлинного врага рода людского, — смерти. Жизненное пространство, — Lebensraum, — не на Украине, а на других планетах, в хоре других солнечных систем: Федоров превращает нашу землю в

корабль, вырывает ее из этой системы и, по мере надобности уводит к другим небесным телам. (Евангельское: «новое небо и новую землю»).

Общим, плановым, многовековым усилием «братья» должны обуздать, «повернуть» слепые, разрушающие силы природы. Эти стихии медленно и неуклонно работают на смерть и на распад. Но если иначе поставить «паруса», то эти же косные силы начнут работать ежесекундно на воссоздание, на воскрешение. Тот же ветер, несущий к гибели, при иначе поставленных парусах, поведет ладью назад, в жизнь. Больше всего Федорова возмущают особой породы позитивисты, сладострастно ставящие пределы человеческим возможностям: откуда им известны эти пределы? Причем, по странной случайности, границы нашему познанию они ставят как раз там, где познание — насущнейшая потребность и промедление смерти подобно!

В семени каждого из нас жив «нюклеус» многих, давно ушедших предков. Надо расщепить эту клетку, извлечь, отделить ряд «нюклеусов» и развить их, дать им ход. И как одной искры достаточно, чтобы раздуть целое пламя, так одного этого может быть достаточно, чтобы восстановить всего человека. Надо культивировать память, осознавать прошлое, закреплять все черты любимых существ, как внешние, так и внутренние. Это задача искусства. Здесь рядом с Федоровым неожиданно оказываются художники типа Марселя Пруста, чье «*A la Recherche du Temps perdu*» и есть попытка воскрешения. Но если эта попытка удастся, то «*temps*» уже не будет «*perdu*». Все пути: эгоистический, нравственный и религиозный... скрепляются в этом пункте, — воскрешение. Других тем нет. Других дел нет. Литургия, высшая точка церковной жизни, и есть воскресение Христа: претворение хлеба и вина в тело и кровь Господню. Воскрешение всех Сынов Человеческих это подлинная тема Литургии. Литургия, наконец, выносятся за пределы храма и разворачивается, обнимает всю жизнь, временно и пространственно. Почтальон, вручающий письмо адресату, принимает участие во внехрамовой Литургии, потому что и письмо это, так или иначе, будет связано с делом воскрешения. Отныне наука больше не в противоречии с Церковью, а наоборот, реализует ее опыт. Священник, ученый, педагог, артист, все соборно служат в единой Литургии. «При объединении не для доставления комфорта, материального довольства, всем живущим, а для воскрешения умерших, требуется всеобщее обязательное воспитание, раскрывающее способности и характер каждого, указывающее каждому, и что он должен делать и с кем — начиная от брака — он должен

нести свой труд в деле обращения слепой силы природы в управляемую разумом, в труде превращения ее из смертоносной в живоносную».

До войны мы переживали так называемый кризис производства: заводы останавливались, под тем предлогом, что рынок уже насыщен, рабочих выбрасывали на улицы; в культурных странах им давали пособие, но труд их был ненужен. Во время наступившей затем мобилизации обнаружился острый недостаток в людях, всех квалификаций и всех разрядов. Мы еще не отпраздновали годовщину перемирия, а уже опять сотни миллионов обречены на страшнейшее испытание, — и духовное и физическое, — безработицу! Некоторые ученые думают, что это по причине чрезмерного развития нашей техники. Разумеется, это так, если ставить себе узкоограниченные цели: комфорта и при том только для определенных классов и наций. Но в свете Федоровского учения делается ясным, до чего наша техника еще только детский лепет, и она будет продолжать пребывать таковой, если не давить на нее в определенном направлении. Ведь мы в некотором отношении отстали даже от насекомых, умеющих влиять на пол своего потомства. Бергсоновская формула: Бог создал человека, а человек создал машину... вполне приемлема для Федорова. Луна сияет отраженным солнечным светом. Нужны новые машины, новые источники энергии, новые кадры людей по новому сотрудничающие. Каждый человек ценен и необходим. Даже любая тряпка пригодится в большом хозяйстве. А мы сидим и не знаем, что сделать с 80-тью миллионами немцев. В сущности мы бы хотели духовно их оскопить: ради Бога не шевелитесь! Сидите и не двигайтесь. Ешьте, пейте, голоствуйте, ходите в синема! Но только не шевелитесь. А между тем, Федоровское учение, благодаря своему космическому — kolossal — размаху, способно было бы увлечь немецкую расу. С присущим им технологическим гением они могли бы сделать ценный вклад по пути осуществления «общего дела» и тем хоть отчасти искупить свой, воистину не поддающийся учету, грех.

Подсчитал ли кто-нибудь, что получите, если миллиарду индусов и китайцев дать хлеба или риса до сыта: ну, по полтора фунта на душу, и притом ежедневно. Надолго ли хватит пресловутой канадской пшеницы? А если в урожайные годы хватает, то ведь любая катастрофа все может изменить: война, ливни, засуха, землетрясение. В отношении регуляции погоды, после зонтика, человек еще ничего не придумал. Горожанин не чувствует своей решающей зависимости от стихийных, злых сил природы; но в поле они господствуют всецело. Мысль Федорова следующая: весь наш так назы-

васмый технический прогресс касается только предметов роскоши. Мы в состоянии одеть весь мир в шелковые чулки, надушить духами и снабдить презервативами. Но предметов первой необходимости (хлеба, здоровья, жизни) мы пока дать не можем: для этого нужен генеральный план с четко поставленной целью и мобилизация в одну семью всего населения планеты. Примечательно, что в связи с событиями последнего времени, многие интересуются вопросом: как Федоров разрешил «расовые противоречия». Никак. Престо для него этот вопрос не существовал, — ни в мыслях, ни в чувствах. Так Толстой неоднократно заводил с Федоровым разговор о само-совершенствовании, и последний неизменно отвечал: — Ну, конечно, ну, конечно... как нечто само собою разумеющееся. И Толстой, всю свою жизнь проведенный в единоборстве с чудовищами похоти, не мог не умиляться тайной силе этого человека. Жил Федоров бедно, трудился, не был женат, скромное жалование свое, за ненадобностью, раздавал: — Никак от них проклятых отвязаться нельзя! — говаривал он с шутливым ужасом. Подобно Франциску Ассизскому он знал, что деньги — грех.

Безплановая наука и промышленность, толкаемая разрозненными, эгоистическими интересами, ничего кроме раздора породить не могут. Эта конкурирующая промышленность «шелковых чулков» рождает войны и революции, итается же эта промышленность всеми видами похоти. Ценный для творчества сексуальный момент, очищенный. Федоров направляет в противоположную сторону: воскрешение родителей! Жизнь, братство и равенство всех поколений настоящего и прошлого — вот новые космические лозунги нашего времени.

Ясно, что учение Федорова легко можно столкнуть в сторону банального прометеизма, но это значит убить самое ядро его. Однако, свою «записку» Федоров обращает одинаково и к духовным и к светским, и к верующим и к неверующим. Он думает: если постигшие какую то истину занимаются вытекающим из нее живым делом, то другие, только участвующие в том же деле, постепенно познают ту же истину: такова метафизика общего (правого) дела и действия. Вообще атеисты для Федорова были русские атеисты; те первые социалисты, о которых Соловьев сказал: они не со Христом, но Христос с ними. Без этой фразы почти невозможно понять русскую революцию.

Часть Федорова учения, — рационалистическую, — осуществляли большевики. Освоение севера, плановое хозяйство, пятилетки, удачные опыты воскрешения раненных при помощи иску-

ственного сердца, — все это прямое влияние Философии Общего Дела.

Ознакомившись с мыслями Федорова, Соловьев написал ему следующее:

«Глубокоуважаемый Николай Федорович!

«Прочел я вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятил этому чтению всю ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном. Проект ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров, поговорить же нужно не о самом проекте, а о некоторых теоретических его основаниях и предположениях, а также о первых практических шагах к его осуществлению... В конце недели нам нужно сойтись. Я очень много имею вам сказать. *Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христа*»...

Но если это так, если проект Федорова — «первое движение вперед человеческого духа по пути Христа», то почему христианские Церкви его не приняли до сих пор? И, что еще печальнее, почему они ни разу, устами хоть мало мальски авторитетного современного иерея, не высказались по поводу этого учения? Церковь молчит. Как, впрочем, она молчала и в пору, только что стихшей, безумной войны. (Ибо нельзя всерьез принимать высказывания отдельных Церквей в течение этой войны: любое общество покровительства животных могло бы делать такие же заявления). Безумия креста, — попросту: веры, Христа, — не было. А, между тем, нам, верующим, крайне важно знать, можно ли уложить учение Федорова в существующие уже христианские Церкви или для этого надо создавать новую, 4-ю Церковь (где воскресение не только позволительно, но и религиозно-нравственная обязанность), и тем самым ввести в, без того уже раздробленный мир, еще одно начало.

На этот вопрос, в первую очередь должна дать ответ Православная Церковь. Потому что Федоров все таки, прежде всего, был православным. И еще, потому что русское православие за последние годы прошло через такие испытания, которые уместно сравнить со смертью и воскресением, — и новый опыт этот может вдруг вылиться в самые благодатные, жизненосные формы.

В. С. Яновский

ЖИВОЙ СОЛОВЬЕВ

Влияние Владимира Соловьева на современную русскую духовную культуру настолько глубоко и значительно, что заслуживает особого исследования. Исследование это далеко не закончено, несмотря на многочисленные труды ему уже посвященные.

О Соловьеве было сказано, что он, «как ледокол» взбороздил застывшие льдины официального русского богословия. Благодаря его знаменитым «Лекциям о Богочеловечестве», в России потекли вешние воды динамической религиозно-философской мысли. Известна также исключительная роль, которую Соловьев сыграл в деле сближения Восточной Церкви и Церкви Западной. Его творческая мечта о вселенскости, о Единстве, о призвании России, как носительницы идеи воссоединения, указала и на этом поприще совершенно новые пути.

Наконец, расцвет русской поэзии начала 20-го века был бы немислим без Владимира Соловьева. Александр Блок писал, что Соловьев был «окном», из которого «на нас дунули ветры грядущего». Именно он зажег пророческие зори на небе русских символов.

Можно поистине сказать, что за последнее пятидесятилетие, все духовно настроенные круги русской интеллигенции питались Соловьевым, так или иначе продолжали его дело. Продолжали с величайшей сознательностью, не изменяя учителю, развивая и углубляя его мысль.

Но быть может, именно потому, что у Соловьева оказалось столько блестящих учеников, мы привыкли изучать его, видеть его, прислушиваться к нему, не непосредственно, а через них, т. е. через людей, которые стали в начале века его духовными наследниками.

Как ни интересны и значительны труды, написанные о Соловьеве или им вдохновленные, они носят отпечаток времени, ибо они принадлежат к сравнительно отдаленным дням и настроениям. Не говоря о теперь уже призрачной атмосфере, которая царила в России накануне Первой Мировой Войны и величайшей революции,

даже так называемый период «между двух войн» отошел в прошлое; отошел со всем комплексом враждующих идеологий, страстных утверждений и отрицаний, трагических исканий.

Вторая Мировая Война смела все казавшиеся нам «новые» в тридцатых годах рубежи. Разбушевавшееся море еще не отхлынуло, и мы еще не видим, а лишь можем смутно предугадывать очертания новых берегов.

В эту по-революционную и после-военную эпоху, мы испытываем то же чувство, какое испытывал молодой Блок перед «Незнакомкой» или зрелый Блок перед «Двенадцатью». Мы тоже можем писать:

«Весь горизонт в огне и близко появленье»...

Но эти зори, не зори 1900 года и не зори 1918 или 1940 годов, хотя мы еще и сердцем и духом связаны с этими великими историческими временами.

Андрей Белый был прав, когда предвидел не только значительность, но и *длительность* намечающихся в начале века мировых процессов. Он писал:

«Все томленье предвоенных годов (конец века, начало столетья) — подступы, плоскогорья, предгорья... Мы вступили в туманы; в 1914 году — мы были застигнуты бурей в горах, ... в долину мы вернемся лишь в XXI веке».

Но не рассеивается-ли туман? Не видим-ли мы уже спуск в долину? Не приближается-ли час, который для Христианина должен быть Третьим Часом?

Мы знаем, что в такое время многое, даже нам духовно близкое, с чем мы кровно срослись и в себя впитали, остается позади; многое, что нам казалось еще недавно «смелым» и «революционным» в нашем образе мышления, на самом деле стало *косным*. В сердце как будто пылает огонь любви, на самом деле он незаметно угас, и мы сделались равнодушными. Нам кажется, что мы творчески воспринимаем духовную жизнь, на самом же деле эта духовная жизнь постепенно превратилась в холодную мозговую технику.

На новых путях нужны не только новые методы мышления, а преобразование всего существа, оживление мертвых тканей, способность обращаться к первоисточникам, вместо того, чтобы пользоваться чужим опытом.

Таким первоисточником является Владимир Соловьев, ибо он открыл, не только поколению Блока, но и нам, окно в грядущее. Именно в наши дни его учение может восприниматься во всей

полноте своей, потому что настала «полнота времен», для которых были предназначены его писания.

Писал Соловьев много, его статьи, лекции, исторические и философские очерки, дают неисчерпаемый материал. Но язык его труден, это — язык научного исследователя, испытанного богослова и историсофа; Соловьев недостаточно популярен, чтобы пользоваться широким распространением. Его часто цитируют отрывками, еще чаще с чужих слов, слишком редко читают его полностью и в подлиннике. Его многотомные сочинения, сборники его замечательной, поистине исторической переписки, спят на полках публичных библиотек. Сам он сделался академической фигурой, тогда как в нем было несравненно больше пророческого, чем академического.

Те, кто знали Соловьева при жизни, кто еще помнят его, описывают его как человека загадочного, осененного почти таинственным светом. Весь его облик, его «черная грива», его огромные темносиние глаза, — глаза провидца, его аскетические черты, обвеянные странной задумчивостью, которая вдруг сменялась заразной детской веселостью, — производили неизгладимое и волнующее впечатление.

Об этом, «живом» Соловьеве мы как-то забыли. А между тем он попрежнему с нами, он был вместе с нами «застигнут бурей в горах» и вместе с нами ищет спуск в долину. Именно нам отчетливее, чем предыдущим поколениям, слышится его голос, ибо он человек нашего времени гораздо более, чем XIX века, в котором он родился и умер.

«Истинное возрожденное во Христе человечество», писал Соловьев, «есть единое и живое целое, духовно-физический организм, реально несовершенный, но возрастающий и развивающийся до идеальной полноты и совершенства; члены этого организма безусловно солидарны между собою, все необходимы для каждого, и каждый необходим для всех, так что благосостояние каждого или страдание одного прямо отзываются благосостоянием или страданием всех других».

«Единство», «все-человечность», «бого-человечество» — таковы слова живого Соловьева, как бы специально к нам обращенные. Из этого основного тезиса всеединства, как духовно-физического организма, прорастает все его учение.

Его стремление к воссоединению церковей является прямым результатом этой тяги к единству. Он воспринимал разрыв между Восточным и Западным Христианством, как тяжкий недуг, как кровоточащую рану:

«Было славное время», пишет он, «когда на почве Христианства под знаменем Вселенской Церкви оба Рима, и Западный и Восточный, соединились в одной общей задаче — в утверждении Христианской Истины. Тогда их особенности — особенности восточного и западного характера, — не исключали, а восполняли друг друга. Это единство было непрочно, потому что не прошло еще через искус самоознания. Оно нарушилось. Великий спор Востока и Запада, упраздненный в Христианской идее, с еще большей силой возобновился в пределах исторического Христианства. Но если разделение церквей было исторически необходимо, то еще более необходимо нравственно для Христианства положить конец этому разделению».

Нарушение «единства» Соловьев видел и в национализме, или, как он его называл в «зверинном» национальном эгоизме; он был одним из первых его обличивших. Можно сказать, что в этом страстном обличении, как и в своей защите еврейского народа, он пророчески предвещал преступления Гитлеризма. И никто из наших современников, видевших на деле эксцессы националистического зверя, не провозгласил более вдохновенно, чем Соловьев, равенство и полноценность всех рас и народов.

Во времена Соловьева само понятие о тоталитарном государстве еще не существовало; он сумел его предвосхитить; он заклеил тоталитаризм словами, которыми мы теперь все так или иначе пользуемся, не подозревая в большинстве случаев, что они и есть живое наследие Соловьева.

Но клеймя националистическое и тоталитарное идолище, Владимир Соловьев высоко ставил *подлинное* национальное и государственное сознание. Именно способность к национальному строительству он признавал за Россией, за русским народом. Достаточно для уточнения этих вопросов напомнить ряд Соловьевских тезисов:

»Народность есть положительная сила, и всякий народ имеет право на независимое (от других народов) существование и на свободное развитие своих национальных особенностей». «Народность есть самый важный фактор природно-человеческой жизни, и развитие национального самосознания есть великий успех в истории человечества».

«Национализм, или национальный эгоизм, т. е. стремление одного народа к утверждению себя на счет других народностей есть полное извращение национальной идеи».

«Русский народ обладает великими стихийными силами и богатыми задатками духовного развития».

Соловьев постоянно подчеркивал «национальную самобытность» России.

В своих знаменитых речах в марте 1881 года, он говорил о правде русского народа, о том, что народ верит в безусловное значение личности, потому что он верит в личность Христа. «Народ», говорил он, «признает, что природа сама по себе имеет стремление к безусловному единству, что природа человеческая и внешний мир имеют одну душу и, что эта душа стремится воплотить божественное начало, стремится родить в себе божество. Народ верит в Богородицу. Богородица и Христос есть начало всего».

Соловьев не только считал русский народ исключительно духовно одаренным, и, следовательно, призванным осуществить в религиозном плане идею бого-человечества. Он видел в русском народе и черты глубокой государственной мудрости, которая дала России возможность выйти на широкие исторические пути.

«Мудрость и самоотвержение наших предков», писал он, «обеспечили самостоятельное бытие России, давши ей зачаток сильной государственности. Такая государственность была необходима для России, расположенной на большой дороге между Европой и Азией, без всяких природных защит, открытой для всех ударов. Без глубокого государственного смысла, без самоотверженной и непоколебимой покорности правительственному началу, Россия не могла бы устоять под двойным напором с Востока и Запада: подобно другим нашим одноплеменникам, мы были бы поработены немцами»^{*)}.

И в заключение, Соловьев приводит слова Пушкина:

«Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судьбы удары
Окрепла Русь: так тяжкий млат
Дробя стекло, кует булат».

Когда Соловьев пишет о «покорности правительственному началу», никто, разумеется, не может заподозрить его в слепом повиновении власти, не может забыть, что Соловьев публично требовал помилования убийц Александра II и за это лишился кафедры. Он постоянно напоминал, что поскольку русский народ является народом христианским, государственность не есть конечная цель, а лишь средство для защиты своей земли и для осуществления социальной правды и нравственного равновесия.

Много думал и писал Соловьев об исторических и религиозных судьбах России, и особенно, быть может, углубилась и заострилась

^{*)} В этом отрывке Соловьев касается призвания варягов, которое, в противоположность славянофилам считал положительным явлением.

его мысль в течение его долголетней полемики со славянофилами. Однако, он сам вырос на дрожжах славянофильства; несмотря на все, что их должно было впоследствии разделить (особенно в годы эпигонства, которое он справедливо отверг), он глубоко впитал в себя русское мессианство, и навсегда остался одержимым его пафосом. Но это русское мессианство Соловьев расширил и преобразил в подлинно-вселенскую идею.

«Россия», писал он, «действительно Третий Рим, не исключаяющий первого, а примиряющий собою обоих».

В этом заключается *новое слово* Владимира Соловьева. В его глазах воссоединение Церкви и является миссией русского народа. «Русской Идеей», как он выражался, через которую должно было осуществиться исцеление тяжкого недуга, поразившего Христианство. Это исцеление должно было произойти не в порядке теоретического примирения, а подлинного братского слияния. Вспомним его знаменитые слова о том, что соединение Церкви может быть достигнуто лишь тогда, когда оно из «механического процесса» превратится в «процесс химический».

Мы привели лишь несколько тезисов из богатейшего историко-софского и философского наследия Соловьева.

«Трудна работа Господня», говорил он умирая, и труден путь, который он и нам указывает, потому что это путь, требующий наивысшего напряжения духовных сил. «Оправдание добра» невозможно без *воли* к добру, без *пламенной любви* к добру. Этому учит нас Соловьев. Но, направляя нас на этот трудный путь, он дал нам ключ к его осуществлению.

Как-то Соловьев писал, что отличительная черта русского народа это — «мистический реализм». В этих словах много истине пророческого, ибо именно благодаря «мистическому реализму» Россия нашего времени выросла и окрепла под «тяжким млатом» войны и обороны. Именно благодаря «мистическому реализму», она восторжествовала над внешним врагом и доказала на деле неизбежность своих национальных, религиозных и социальных устоев.

Отечественная война, героическая оборона Сталинграда и Ленинграда протекали под знаком реализма, т. е. четкой стратегии, военной согласованности и технической подготовленности. И в то же время без духовной мощи русского народа — техническая и военная мощь не спасла бы Россию. Мощь физическая была и у Германии, и послужила лишь к ее гибели. Союзные вожди и политические деятели не раз говорили о «чуде Сталинграда», и

английский публицист Беневести писал о том, что во время войны русский народ весь горел «жертвенным огнем» и, что это «чудо веры».

«Мистический реализм», о котором говорит нам живой Соловьев, навеки остается тайной, не поддается толкованиям разума. Но его отличительной чертой является воля к действию, способность его осуществить и в то же время готовность к жертве во имя цели, которая является целью высшей.

Русский народ празднует победу, но помнит, что земля русская еще дымит кровью: до сих пор не сосчитали всех убитых, замученных, погибших в концлагерях и на каторге. Однако, уже первые послевоенные статистики дали нам картину опустошения принесенного врагом: шесть миллионов разрушенных домов и зданий, и среди них сколько древних соборов, храмов и монастырей, как бы свидетельствующих о том, что Церковь вместе с народом несла этот тяжкий крест! Осенью 1945 года 25 миллионов русских людей были без крова, ютились на пепелищах, среди развалин, в лучшем случае в землянках.

Такова жертва России. Кто может о ней забыть хотя бы на минуту! Но Россия сама уже смотрит вперед. Она не позаботилась о том, чтобы передохнуть. Россия отстраивается, восстанавливает разрушенные города и села, вновь открывает свои школы, больницы, музеи, библиотеки. Восстанавливаются и монастыри и храмы, являясь ныне символом чудного обновления всей страны. В этом переключении военной динамики на динамику мирной реконструкции, вновь проявился мистический реализм русского народа; он продолжает творить общее дело. Партизаны войны превратились в активистов мира, которые на стройках и на вновь засеянных полях горят все тем же «жертвенным огнем».

Сейчас слова Соловьева о русском народе приобретают новый смысл, или вернее полностью свершаются, как истинно пророческие. Свершаются в некотором смысле и слова Соловьева о вселенском призвании России, которая свою жертву принесла не только для того, чтобы защитить *себя* от врага, но помогла всем поработенным народам свергнуть страшное иго. На рубежах Сталинграда репалась судьба не только Востока, но и Запада.

Соловьев указал нам пути России с такой вдохновенной прозорливостью, ибо сам был исполнен «мистическим реализмом». Он не был только зрителем описываемых им исторических и духовных процессов. Он сам был *внутри* этих процессов. Когда он говорил о единстве, о правде, о братстве, он был живой тканью, ощущавшей

раны всех людей, и он искал для всех людей исцеления. Он был движим любовью и нам ее заповедал; в этом тайна Соловьева, как и тайна России. И только через нее мы найдем дорогу, ведущую к нашему народу и ко все-человечеству

Зло позабытое
Тонет в крови,
Всходит отлитое
Солнце любви.

Елена Извольская.

ПОЧИН СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

«Шедше же научите вся языки...»

Матф. 28, 19.

Под бледным небом в суровом северном краю у слияния Юга и Сухоны вырос Устюг, один из старейших городов русских. Его строгие белокаменные храмы, звонницы, стены, хитро выточенные деревянные маковки и узоры над бревенчатыми срубамися остаются по сей день образцами северно-русского стиля. Тут скреплялись пути новгородских промышленников и московских колонистов. Новгород шел и лесом, и Белым морем. Москва через леса и по водам Двины отодвигала свои пределы к северным побережьям. В середине XIV века родился замечательный человек, оставивший глубокий след в истории Севера. Фамилия его осталась неизвестной. Сам он прославил свое уже иноческое имя. Монашество преобразило его личность и из сына безвестного причетника устюжского собора превратило в великого мужа, ученого, подвижника и преобразователя. Человек этот — Стефан, просветитель зырян-коми, первый епископ Великой Перми, Русской Церковью причисленный к лику святых.

С ранней молодости он проявлял совершенно исключительное по неудержимости рвение к образованию. Первоначально он вынужден был довольствоваться библиотеками двух местных монастырей. За изучением их книг он проводил дни и ночи. Знаниям его стало тесно в Великом Устюге. Слава ученого Ростова, древнейшей сокровищницы русского просвещения и искусства, привлекла его в розовый кремль знаменитой митрополии. Приняв постриг в этом духовном центре северо-восточной Руси, Стефан избрал небольшой общежительный монастырь, посвященный Григорию Богослову, славившийся особой ученостью и строгостью своих монахов и, для того времени, редкой по богатству библиотекой. Богословские науки русское православие унаследовало от Византии. Греческий язык был необходим Стефану и он усвоил его в совершенстве. Ростов Великий

был богат не одной книжной мудростью. Видные богословы и иерархи посещали его из далекого Константинополя. В истовых и торжественных богослужениях под гулкими сводами ростовского собора участвовало по несколько хоров, певших и по славянски, и по гречески. В этой атмосфере завершал свое образование инок Стефан.

Результатом огромной умственной работы было, что Стефан стал знатоком философии, дидактом и диалектиком исполненным мудрости и знаний. В порядке «послушания» в монастыре ему поручалось писание книг, что до введения книгопечатания было одной из самых существенных культурных функций. Стефан стал не только философом и писателем, но и каллиграфом, скорописцем. Это обстоятельство, развившее в нем профессиональный интерес к вопросам азбуки, алфавита, начертания звуков языка, должно было впоследствии сыграть свою роль. Стефан с ранней молодости испытывал влечение и к педагогике. У него было много данных для учительства. Богатая одаренность, пылкий ум, настойчивость привели его в Ростов Великий, где среда большой учености и обстановка церковного великолетия довершили формирование его духовного облика. Но Стефан был убежденным монахом-аскетом. Он был одним из многих русских людей XIV века, которые сознательно уходили в строгий размеренный монастырский быт, чтобы за стенами своей обители вести не только созерцательную жизнь, но и мучительное, искупляющее подвижничество. Эти люди считали себя обязанными искать очищения не только личного, но и общественного, всенародного, национального, усматривая в грехах причину и корень несчастий, постигших родину. Для них освобождение от татарского ига и сопряженных с ним бедствий было, прежде всего, делом искреннего покаяния и нравственного напряжения, — то-есть духовным подвигом.

Стефан был образцом для людей этого типа. «Добре потружася в иноческом житии, подвизався на добродетель постом и молитвою, чистотою и смирением, воздержанием и трезвением, терпением, беззлобием, послушанием и любовью, паче же всех вниманием божественных писаний», говорит о нем его биограф. «Доброму же о Христе житию его дивляхуся мнози не точю иноци, но и простая чадь». По мере духовного роста Стефана апостольское призвание полностью определило его судьбу. В бытность свою юношей, а затем соборным дьяком в далеком Устюге, он постоянно соприкасался с язычниками из примитивных финских племен. Зыряне и пермяки населяли всю местность к востоку от Устюга, жили в его окрестностях и смешивались даже с городским населением. Зыряне — коми, как они себя называют сами — жили издавна на обширной терри-

тории, орошаемой Вычегдой и ее притоками Вымом и Сысолой, Печорой с ее притоком Ижмой и верхним течением Мезени. У впадения Выма в Вычегду было их центральное городище, Усть-Вым. В эту столицу печальной страны берез и елей решил направиться на апостольский подвиг Стефан, ростовский инок.

Наблюдая в детстве косное язычество и примитивные суеверия коми, он уже испытывал потребность приобщить этот обездоленный народ к общечеловеческой культуре. Миссионерское поприще было видимо предметом еще отроческих мечтаний Стефана. Но ему надо было стать зрелым человеком, пройти через подготовительные ступени собственного развития и достичь канонического положения, при котором он мог бы получить разрешение от духовных и гражданских властей на проповедь Евангелия северным племенам. Еще до пострижения стал он изучать язык зырянский — главное из наречий коми. Достигнув тридцатилетнего возраста, когда целое десятилетие было уже затрачено им на освоение греческого языка и усовершенствование в отечественной грамотности, Стефан принялся за совершенствование и в зырянском языке. От епархиальной своей власти в лице епископа ростовского он получил одобрение своих намерений. В беседах и дискуссиях о духовной судьбе финских языческих народов Стефан опирался на завет Христа, переданный евангелистами: идти и проповедывать слово Божие всем народам.

Для того дан Богом язык всем народам, чтобы на нем они могли славить Творца, — утверждал русский апостол. Он исходил из убеждения, что восприятие христианских идей будет затруднено, если учение Христа не будет подано язычникам на понятном для них, то-есть на их же собственном языке. Он ссылался на пример первых апостолов, заговоривших на языках своей эпохи. Сошествие Святого Духа было вдохновением на проповедь всем общей истины. Стефан подробно излагал, в какой последовательности обходили разные земли и племена Петр и Павел. Он старался оправдать в глазах своих собеседников и оставшихся забытыми зырян. Они не обречены на темноту и невежество, не преданы забвению. Земной жизни первоапостолов не могло хватить для всех народов. Надо продолжить, завершить их великое дело. Главным затруднением и в изучении языка зырян и в проповеди христианского учения на нем было отсутствие письменности коми и даже алфавита. Необходимо было разработать азбуку и создать письмена для зырянского языка, — таков был вывод Стефана.

Надо отдать себе отчет, что речь идет о XIV веке. Подход Стефана поражает своей необычностью. Для своего времени он

является совершенным новатором и своего рода революционером. Ведь Западная Церковь, например, требовала принятия христианского вероучения лишь на латинском языке. Восточная — Греческая — Церковь не без труда согласилась на употребление на ряду с греческим и славянского языка. Санкция полученная Стефаном свыше — как от духовных, так и от светских властей Москвы XIV столетия — свидетельствует о терпимости и широте духовного кругозора культурных слоев русского народа. Санкцию эту Стефан получил в самой Москве, куда ему пришлось отправиться за надлежащими разрешениями и содействием. В Москве он встретил большую симпатию к его планам. Правительство московское правильно оценило возможности культурного проникновения русского начала в среду мало восприимчивых к русскому влиянию народов. Митрополит Михаил Митяй представил Стефана князю. Дмитрий Донской снабдил его охранными грамотами и деньгами.

Для составления зырянского алфавита Стефан возвращался в родной Устюг. Там он был в тесном общении с туземцами из финских племен. Он изучил их нравы и обычаи. Он выделил из их бытовой практики их знаки и зарубки, служившие им путеводными указаниями на стволах деревьев и камнях. Эти резы и руны несомненно повлияли на выбор букв для его зырянского алфавита. Прimitивные идеографы, напоминавшие зачатки клинописи, были бедны и невразумительны, но они несомненно легли в основание некоторых знаков новой азбуки с буквами скорее прямоугольными и квадратными, чем округленными. Алфавит, изобретенный Стефаном, напоминает глаголический, имеет сходство по внешнему виду с еврейским. Просветитель не ограничился созданием зырянской азбуки. Он перевел на язык коми ряд необходимых для его начинания книг, как славянских, так и греческих. Он написал эти книги в переводе на новом алфавите. Трудно представить себе размеры такого труда для одного человека. Весьма интересна аргументация Стефана по поводу необходимости этого труда. Язык, по его мнению, дан людям для того, чтобы они развивали его. Язык — мост к культуре, — путь к просвещению. Такой дар Божий не может быть уподоблен таланту, закапываемому в землю.

Стефан направился прямо в сердце страны коми. Знание психологии человеческой побудило его начать свою проповедь с центра. Он учитывал, что «провинция» будет озираться на «столицу» прежде чем принять какое-либо новшество. Он знал, что сопротивление ревнителей темной старины будет возглавлено жрецами и колдунами из городища, служившего племенам коми центром. Миссию свою он, поэтому, желал основать в этом центре и там преодолеть главное

сопротивление. Никакой успех на окраине не мог бы быть для него решающим. Главным затруднением для Стефана был, однако, неограниченный и, так сказать, ползучий характер зырянского языкачества. Это было мировоззрение людей, обитающих сумрачный край среди лесных чащ и болотных топей. Обстановка и условия их существования из поколения в поколение привили им особые взгляды на окружающую природу и ее силы. Религия коми не выходила из первобытных представлений грубого фетишизма. Собственные черты народ этот как бы отражал в стихиях, в животном и растительном царстве. Он обожествлял солнце, огонь, воду, животных, растения.

Все прикрытое неизвестностью, преувеличенное страхом, внутренне суеверной традицией наделялось самостоятельной волею, большей частью злой. Бог творящий, благодетельствующий, источающий жизнь, свет и любовь был зырянам менее понятен и знаком, чем лесные страшилища и болотные оборотни. Вода, опасная, мутная, предательская, была для них жилищем Куля, бога смерти. Ему они отдавали своих мертвецов, хороня их в тоях, прудах и речках. Впоследствии, с усвоением христианских представлений о добре и зле, зыряне стали отождествлять свой миф о Куле с понятием о дьяволе. Водяной от этого не исчез в их повериях и уступил лишь место второстепенным духам воды — васа. Лес обитал другой страшный бес — вэрса. Это существо параллельное русско-славянскому лешему. Любопытно, что финские племена, в том числе и коми, наделяли его саркастическим и насмешливым нравом, приписывали ему склонность воплощаться в людей, рядиться и видоизменяться. Такой «камуфляж» очень тишчен для демонических мифов лесных народов. Между вэрса и васа у зырян был еще средний дух — гаржтэм, предпочитавший болота и тонкие ямы. Был у них и домовый — олысь. Был и более возвышенный дух, обитавший в воздухе — орт. Наряду с мрачными мифами, которые все были наделены хитрым нравом с позывом к юмору, были и поэтические, например, пәлудайка или бог васильков, имевший отношение к посевам и практически-благожелательные, как рыньтса — бог овинов, охранявший склады зерна от воров.

Помимо отвлеченных богов, зыряне облакали божественными свойствами даже деревья. Старая береза в столице коми, Усть-Выме, была настоящей национальной святыней. На ветки ее вешались в порядке жертвоприношения самые драгоценные из мехов — собольи шкурки. Стефан прибыл в Усть-Вым на лодке и привез с собой не только книги, церковную утварь, но даже материал для сооружения церкви и жилища. Самое прибытие проповед-

ника уже произвело потрясающее впечатление на местных жителей. Однако, они не восприняли его поселению среди них. Повидимому в этом отношении оказал на них влияние авторитет Москвы, у которой они состояли уже в подданстве, правда, более теоретическом, нежели практическом. Коми могли не слушать миссионера, но не могли препятствовать ему селиться на их земле. Вероятно, туземные духовные вожди, шаманы и колдуны, не предвидели, какое значение приобретет появление русского монаха и первоначально не пошли на риск, сопряженный с прямым насилием.

Но такое положение могло быть лишь временным. На первых порах лишь горсть людей внимала проповеди Стефана. Громадное большинство населения было глухо к ней или даже прямо враждебно. И настойчивые, беспрестанные усилия Стефана, направленные на овладение вниманием всего «общества» Усть-Выма, не могли не привести к конфликту с активными элементами местного язычества. Туземцы не отличались, однако, смелостью и решительностью. Только этому обстоятельству Стефан был обязан тем, что остался жив. На жителей городища производило впечатление его одиночество среди них и в самой беззащитности его они усматривали нечто необычайное. Жрецы проявляли возрастающее раздражение, видя упорство этого христианина. Они возбуждали толпу против него, нередко с успехом. И неоднократно хижина его выдерживала своеобразную осаду. Вокруг нее раскладывались сплошной цепью костры. Ее окружали люди вооруженные коляями. Но все это были лишь угрозы и попытки притупить пришельца страхом.

Стефан противопоставлял этой политике устрашения неизменную и спокойную приветливость, постепенно разрушавшую его врагов. Пока к нему привыкало население, он пользовался досугом, чтобы закончить начатые переводы священного писания на местный язык. Он считал, что надо действовать и на художественное изображение примитивных, но впечатлительных туземцев. Он, поэтому, очень заботился об украшении сооруженной им деревянной церкви. Храм этот он поставил на пригорке, против другого холма с главной языческой кумирней. Интерес к богослужениям, симпатия к кроткому, но и строгому миссионеру привлекли первых прозелитов. Постепенно сам Стефан перешел к более наступательным действиям в отношении язычества. Он не только затевал диспуты с шаманами, но, доказывая им, что их деревянные идолы не боги, а лишь куски дерева, поджег их кумирню, которая сгорела до тла. Но после этого события ненависть языческих жрецов к Стефану, разумеется, возрасла еще. В то же время начинался массовый переход жителей в христианство.

Проповедник не допускал их сразу же к крещению. Он подготавливал их постепенно, причащая посещать его службы и проповеди. У сторевшей кумирни стояла огромная береза, которую придавившая ей знаменитость летопись, называла «прокудливой». Символическая береза оставалась главным орудием антихристианской пропаганды шаманов. В свое время, св. Бонифаций, распротравивший в VIII веке христианство среди немцев, срубил священный дуб, посвященный германскому божеству Тору. Стефан повторил этот жест: он собственными руками срубил старую березу. Это был решающий акт, за которым последовал красочный поединок миссионера со старейшим из жрецов коми. Видя, что гром небесный не сразил человека, поднявшего руку на Прокудливую Березу, жрец этот, по имени Пам, бросил вызов Стефану разрешить их духовный спор «испытанием огнем и водой». Предание повествует, что зыряне зажгли хижину и когда она запылала, как факел, Стефан взял жреца за руку и повел его в костер, по тот в ужас отшатнулся от пламени. Затем Стефан пошел с ним на лед и предложил ему вместе с ним броситься в прорубь. Но и тут ужас удержал старца-язычника. Множество таких легенд овеяло биографию Стефана, просветителя зырян и их первого епископа. Москва оценила по достоинству успех его, но сам он, как говорит современник, «не добивался владычества, ни вертелся, ни тщался, ни насакаивал, ни накупался, ни насуливался посулы». Но в 1383 году, тем не менее, митрополит Пимен рукоположил его в епископа, учредив кафедру в краю коми ставшую известной под именем Велико-пермской епархии. Между началом миссионерской деятельности Стефана и этим его торжеством прошло не более пяти лет.

Успех Стефана Пермского можно объяснить рядом причин. Православная Русь видела тут прежде всего действие благодати и Промысла Божия. Она основательно усматривала и другую причину — в слабости язычества. Набор суеверий у коми не вызывал никакого подъема. Их религиозные представления скорее тяготили их самих, осложняли им существование, нагнетали пессимизм и вздорные опасения. Помогли Стефану и охранные грамоты, данные ему Москвой. Они являлись символом защиты со стороны государства, могущество которого вселяло в зырян благоразумную осторожность. Наконец, в усилиях Стефана немалую роль сыграли его собственные качества. Его приемы располагали к нему, вызывали доверие у его примитивных учеников, чуткость которых была их самым надежным критерием. Терпение проповедника разоружало неприязнь, он был мудрым советником, утешителем и наставником. Личность его привлекала симпатию и доверие. Он говорил с туземцами на их языке

и обучал их именно и прежде всего этому же, их собственному языку, раскрывая перед ними сокровища грамоты.

Когда Стефан встречал со стороны зырян страх перед ним и возможностью карательных мер против непокорных, посягавших на его безопасность, он отвечал им чисто евангельским поучением: «Не посла бо мене Христос бити, но благовестити, и не повеле мучити, но учити с кротостью и увещати с тихостью...» Такое отношение поражало массы коми. Став первым епископом пермским, Стефан показал себя не только духовным вождем мирно завоеванного им народа, но и его ходатаем и защитником перед русской столицей. Из Усть-Вымы влияние епископа Стефана и его идей распространились в глухие углы всего Приуралья. Он ездил в Москву и добивался у великого князя освобождения своей паствы от чрезмерного обложения пушшиной и от невыгодных для нее торговых сделок. Центральная русская власть предоставила ему большую автономию в местных судебных делах. Так как на дальнем Севере суверенность Москвы сменялась властью независимого Новгорода, то Стефану приходилось ездить и в Новгород увещевать слишком требовательных вождей этой неутомимой русской республики. В голодные годы он добывал для коми продовольствие из России. Летописец говорит о благодарности зырян в таких выражениях: «К Богу убо молянешя о спасении душ наших, а ко князю о жалобе нашей, и о льготе и о пользе нашей, и ходатайствовавшие и промышляше ко бояром же, к пачалом, властем мира сего был нам заступник тепл, многажды избавля ны от насилия и работы, и тивунския продажи и тяжкыя дани облечея ны. Но и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойници словеси его увещевании бываху, еже не воевати ны». Стефан неоднократно укрощал новгородцев на месте во время набегов на земли коми. Когда на них напали вогулы (манси) епископ Стефан ходил в поход со своими зырянами, возглавляя их с крестом в руках.

Авторитет пермского епископа был велик и в области чистого богословия. Он справедливо почитался, как один из самых образованных людей своего века. Во время одной из поездок в Новгород, тамошний епископ просил Стефана написать обличение одной из возникших ересей. Стефан умер во время одной из своих поездок в Москву. В знак особого почитания знаменитого крестителя языческого народа, великий князь Василий Димитриевич похоронил его в Спасском монастыре (Спасе на Бору), до Архангельского собора бывшем усыпальницей членов великокняжеского рода. Эта честь не утешила зырян, которые, по словам летописцев, тяжело перенесли смерть своего духовного отца вдали от их земли, им просвещенной.

«Не так тебя москвичи почтут и не так ублажат, как мы», говорили горящие жители Усть-Выма, «они не могут уразуметь силы и благодати Божией, которые были в тебе и через тебя». Не только на народ коми и соседние финские племена, но и на весь русский народ апостолат Стефана Пермского произвел неизгладимое впечатление. Исторические последствия его были огромны. Стоит подчеркнуть, что благодаря его почину отсталые зыряне оказались первыми из финских народов, получившим возможность читать священное писание на собственном языке. В этом отношении они оказались впереди своих далеких европейских братьев, как венгры или финляндцы, на добрых два-три столетия.

На Макарьевском соборе, в 1549 году, Русская Православная Церковь торжественно причислила Стефана, апостола коми, к лику святых. Святой Стефан указал путь целым поколениям русских монахов, которые, по его примеру и по его стопам, устремлялись в далекие, непривлекательные лесные края Крайнего Севера, в холодные «полночные» страны, к Полярному кругу и за Полярный круг. Там, где раньше была лишь первобытная борьба за существование и куда более высокие формы цивилизации заносились лишь в форме самой бесстыжей и хищной эксплуатации сильными слабыми, появлялась впервые определенная культурная миссия. Самоотверженные и бескорыстные люди несли туда эту миссию просвещения примитивных народов, приобщения их к христианскому миру, вовлечения их в круг общечеловеческих взаимоотношений.

Александр Казем-Бек

ПРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

(*La conscience morale et l'état de nature*)

(Отрывки)

«Начиная с грехопадения Адама Библия указывает на три состояния человечества, которые можно назвать, естественным, законным и евангелическим состоянием.

«Естественное состояние не есть состояние *чистого* естества. Конное — от Моисея до Христа, евангелическое даруется Христом и Духом Святым. От земного рая до Синая, от Синая до Голгофы, от Голгофы до Рая Небесного человечество с трудом двигается по кровавому пути просветления. Знание и страдание и божеская благодать растут с каждым шагом. Человечество рождает в муках свой чистейший образ, свое совершеннейшее состояние...

«Естественное состояние не есть состояние *чистого* естества. Естество уязвлено, но сознает ли оно это?... Человеческая совесть еще омрачена и мутна... Нравственные законы, которые нашу совесть воспитали, еще не высечены ни на камне, ни в наших сердцах, хотя первооснова их и нравственное сознание обитают в каждом человеке. Они принадлежат к приданому естества. Творить добро, удалиться от зла; повиноваться, когда раздается голос Того, кому дана всякая власть, ибо он Всемогущий Владыка... Даны два первых великих закона: Любить единого, истинного Бога и повиноваться Ему. В естественном состоянии самыми тяжкими и наказуемыми двумя грехами являются неповиновение и идолопоклонство; ибо вера и послушание первые основы воспитания человека Богом...

»Вера и послушание необходимы для воспитания святых. Оно продолжается до последнего их дня. История человечества была и остается на этом свете всегда лишь историей этого трудного воспитания... В истории всех народов находишь следы этих уроков. Но яснее всего об этом свидетельствует история того народа, которого Бог уготовил себе физически и духовно...

«Жизнь Авраама отражает состояние нравственного сознания времени... Святость Авраама провозглашается Святым Духом, если верить священному писанию. Бог постоянно беседует с ним, ведет его, ободряет его... Знаком высокой веры Авраама и особой благосклонности к нему Бога, является троичное посещение ангелов.

«И явился ему Господь у дубрав Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул и вот три мужа стояли против него» (18 гл. кн. Бытия). Священный автор в течении рассказа пользуется то единственным числом единства Бога, то множественным числом троичности лиц. Он, повидимому, этим образом указывает на то, что вдохновение озарило теологальным светом сердце Авраама. Это не является единственным объяснением этого явления, но оно нам кажется согласным и исключительной благодатью в теологальном порядке, которая излилась на Отца верующих. И вот три мужа стояли против него. Увидев, он побежал навстречу им и поклонился до земли и сказал: «Владыко, если я обрел благоволение перед очами твоими, не пройди мимо раба твоего», и сказали ему: «Где Сарра, жена твоя?! Он отвечал: «Здесь, в шатре». И сказал: «Я опять буду у тебя в это же время, и будет сын у Сарры, твоей жены»...

«Доказательством веры и послушания Авраама является и жертва Исаака.

«Действие веры лишено всякой видимой помощи и совершается при муках совести.

«Авраам подобно тем, которых позже Христос назовет своими учениками, услышал абсолютный призыв, призыв евангелический. *«Если кто придет ко мне, не возненавидев отца своего, мать, жену, детей и жизнь свою, он не может быть моим учеником»*. Ибо каждый раз, когда мы отдаем Богу наше «единственное» мы отдаем все, мы даем бесконечно и не важно, если это «единственное» будет бедной, сотворенной вещью, подлежащей гибели и смерти. Жизнь нашей души на земле, наша земная жизнь, являются нашим единственным. Или наше земное счастье — это единственное; или существо исключительно любимое — это единственное. Кто отдает свое единственное, душу, жизнь, любимого человека или счастье — тот дает бесконечно. С сыном своим Исааком Авраам отдает Богу душу своей жизни и своего счастья; он соглашается на разрушение всякой своей надежды...

«В этом послушании слава и святость человека, который знал только два закона и поведение которого иногда идет против нрав-

ственных уставов обязательных для людей законной или христианской эры...»

(В последней главе Раиса Маритэн говорит о первых шагах человечества, о началах морали):

«Можно верить, что человек был создан в состоянии благодати, в мире с самим собой, в единении с Богом. В силу исключительной привилегии, он был свободен от страдания и смерти.

«Грех нарушил мир, единение, физическое бессмертие; он набросил свою тень на разум и ослабил свободную волю.

«Несмотря на это падение, человечество продолжало свое шествие, сопряженное с страданием и смертью... От наших прародителей мы получили в наследство грех и склонность к злу, но также и инстинкт к знанию добра, которое превосходит наше собственное; память — даже если она и затемнена — о состоянии, где отношение между человеком и вселенной и Богом были более верными и реальными.

«Наверно тут и лежит начало столь глубокого чувства, необходимости превзойти закон, необходимости во чтобы то ни стало найти чистые истоки любви и свободы. Фарисейство нестерпимо. Но строгий фарисей соблюдает закон. Поэтому, будь ли он самим Савлом, он должен быть на время ослеплен и низвержен, чтобы стать способным воспринять высший свет и новую жизнь, стать апостолом Павлом, избранным сосудом, учителем народов. Стать тем, кто познал и закон Моисея и Закон Христа, соединил их в единой любви, сказав о первом и втором одновременно, что *закон от духа*.

«Управляемый моралью, управляемый законом Моисея человек с усилием ведется к исполнению воли Божией, приказами и запретами которые приносят не благодать, а обнаружение греха и его осуждение. Чтобы воспринять эту мораль, чтобы отождествлять ее с глубокой душевной жизнью и привести ее к живым истокам благодати, требуется много любви. Поэтому сам закон ставит первой заповедью — заповедь любви, и это — признак ее божественного начала, а не только начала человеческого и социального: «Возлюби Бога Твоего»...

«Но не закон дает любовь, а Дух Святой, который наполняет любовью наши сердца... (Фома Аквинский). Новый Завет вводит нас в строй жизни, не в тот, который мы определили нравственным строем, а в такой строй, при котором мораль не просто ограждена, но стала более проникновенной, углубленной, утонченной, связанной с искупительной любовью Христа.

Раиса Маритэн

ВЫ ЕСТЬ ТЕЛО ХРИСТОВО

(из проповеди Пастора Беллэра, сказанной в день Пятидесятницы в Нью-Йорке, в 1945 году)

«Вы есть Тело Христово», — этими словами обращенными к коринфянам, апостол Павел определяет самое сокровенное в Церкви. Церковь общество тех, кого Бог по своей милости призвал быть Его чадами. Церковь — Тело Христово.

Пребывая на земле из-за наших грехов, Иисус за нас пожертвовал своим телом. Он был распят. Чтобы пребывать на земле, он создал другое тело — Церковь.

Какое великое призвание!

Церковь далека от непогрешимости со всеми своими раздорами, сектами, деноминациями (их 250 в Америке). Как же она может при этих условиях быть Телом Христовым? И всетаки — таково ее призвание! Несмотря на ее слабости, ошибки, несмотря на споры и раздоры, Христос ею пользуется, чтобы общаться с людьми. В ней раздается голос любви, призывающий верующих, голос вечной любви Христа, отдавший жизнь за нас.

Когда Павел говорил: «Вы есть Тело Христово, он не обращался к вселенской Церкви, а к Коринфянам, к маленькому приходу незначительного городка. Он писал горсти христиан еврейского и языческого происхождения в то время, когда существовали гораздо более значительные христианские центры.

Тут сокрыта тайна величия Церкви: ни одна община не является обособленной, каждая Церковь — часть вселенской Церкви, ни одна не имеет права запереться в себе, каждый отдельный приход — вселенская Церковь — Тело Христово.

Мы должны смотреть дальше нашего храма, нашего прихода. Мы не должны терять интереса к другим Церквам, к пережитым ими страданиями, мы все члены того же Тела. Церковь — тут. Павел обращался к мелкому люду, к бедному язычнику, к бедному еврею. Им он писал, что они члены Тела Христова. И я говорю: каждый из вас является членом того же Тела.

Какое великое призвание!

Мы должны через молитву, размышление, любовь подходить все ближе и ближе ко Христу и затем делиться его благодатью с другими. Наша обязанность — быть полезными членами Церкви. Все не могут ни думать, ни поступать одинаково. У каждого свое призвание и все связаны между собой. Если мы отдаемся Господу с верой и молитвой — это воспринимается всей вселенской Церковью.

Но что же мы должны делать?

Постоянно держать это в уме. Спрашивать себя безустанно, каким образом касается это меня? Думать, глядя на крест Того, кто есть мир и является главой Церкви и вопрошать себя: Чем должен я быть? Как поступать? Как любить настолько, чтобы стать истинным членом Тела Христова?

(Пастор Марк Бегнэр, председатель Протестантской Федерации Франции — одна из значительнейших и привлекательнейших фигур Протестантского мира. Этот выдающийся проповедник и стойкий патриот заслужил преклонения и признательность Франции своим воодушевленным мужеством в годы германского ига. Пастор Бегнэр состоит вице-председателем Всемирного Совета Церквей. Он посетил Нью-Йорк в 1945 году для участия в конференции членов Всемирного Совета).

О МОЛИТВЕ

Миром Господу помолимся. Господи, помилуй. О свышнем мире и о спасении душ наших Господу помолимся. О мире всего мира, благосостоянии святых Божиих церквей и о соединении всех Господу помолимся. Господи, помилуй.

То, о чем прежде всего просит христианская душа, это о мире! Мир является величайшим благом человечества. Христос, Спаситель мира, прежде всего желает мира. При своем появлении в Вифлееме он велит ангелам небесным оповестить человечество о пришествии Великого Миротворца чудесной песнью: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение».

Блаженный Августин определил мир как уравновешенность строя. Этой уравновешенности, этой гармонии искал для человечества Спаситель мира, и Он создал его через Свое Воплощение, Свою жизнь на земле, Свои деяния, поучения, Свои страдания, смерть на кресте, Свое воскресение, установление Святой Церкви и Святых Таинств, Свое Вознесение Господне и одновременно Свое пребывание в Святой Евхаристии, в Святой Церкви, во всяком праведнике через Свою благодать искупительную. И чтобы владеть и наслаждаться этим миром, этой уравновешенностью, этой священной гармонией нам только нужно быть истинными носителями Христа — крестившись, жить наукой Христовой, творить дела Христовы, подражать Ему во всем и возрасть во Христе. В этом то и состоит суть христианского мира. .

Не может быть в нас мира, уравновешенности строя, Божественной гармонии, если плоть побеждает дух, а дух чужд заповеди христианской любви, если один имеет все, а другие ничего, если одна раса восстает против другой, а нации против нации.

Есть различие молитв: молитва хваления — «Десница Твоя, Господи, прославися в крепости, десная Твоя рука, Господи, сокруши враги, и множеством славы Твоя стерла еси сушнстаты.

Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и вовеки веков. Благословен Бог наш, сице благоволивый, слава Тебе». Молитва прошения: «Руце Твои сотвориште мя, и создасте мя вразуми мя, и научуся заведем Твоим. И да возвеселятся вси уновоюци на Тя, во век возрадуются, и вселишися в них, и похвалятся о Тебе любящий Имя Твое». Молитва умилоствления: «Боже, очисти мя, грешного, и помилуй мя. Без числа согреших, Господи, прости мя. Жертва Богу дух сокрушен, сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит». Молитва благодарения: «Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко не отринул еси мя грешного, но общника мя быти святынь Твоих сподобил еси. Благодарим Тя, Владыко Человеколюбче, Благодетелю душ наших, яко и в настоящий день сподобил еси нас небесных Твоих и бессмертных Таинств. Исправи наш путь, утверди ны во страхе Твоем вся, соблюди наш живог, утверди наши стопы, молитвами и молениями славныя Богородицы и Приснодевы Марии, и всех святых Твоих».

Что такое молитва? Молитва есть обращение к Богу. Поэтому молитва предполагает с одной стороны знание Бога, а с другой — что человек знает самого себя. Почему он должен обращаться к Богу, ради того, чтобы поклоняться Ему, славить Его, молить Его о помиловании, о прощении грехов, о даровании всяких благ? Потому что Господь Бог есть Существо Несотворенно, Первое Начало всякого бытия, Творец неба и земли, всех видимых и невидимых существ, Источник всякого блага и добра, Он есть Тот, как говорит святой Павел, «Которым мы живем и движемся и существуем» (Деян. 17:38).

Что представляет собой человек? Божью тварь, созданную по образу Божию и существующую, как всякое другое творение, только в силу Промысла Божия? Следовательно, человек, как существо разумное, обязан признать свою зависимость от своего Творца, поклоняться Ему, славить Его, благодарить Его за все Его дары, просить у него новых даров, новых сил к жизни и сил для труда. В том состоит не унижение человека, а его величие, так как через такое сношение с своим Творцом он становится все более подобным Ему и делается сам творцом жизни и великих подвигов и деяний. Унижение им человека в сущности состоит в том, что он, вместо того, чтобы преклоняться перед Господом Богом, преклоняется перед тварью Божьей, созидавая из нее своего бога.

Достоинство человека велико, так как он одарен разумом и свободной волей. Но он может разрушить это свое достоинство через свое отвращение от Бога и обращение к Его творениям. Поэтому

мерилом для человеческого достоинства является то, чего он больше всего ищет в своей жизни. Истинный же христианин прежде всего ищет прославления Творца. В этом священном деле молитва играет первоначальную и главную роль, ибо человек, входя через нее в соприкосновение с Божеством, ясно видит в Нем порядок и строй вселенной, установленный Его Божественной Премудростью. Сколько вдохновения, отрады, силы, успокоения и упования находит для себя христианин в одной только Молитве Господней, произнесенной не только устами, но и всем сердцем.

Молитва не является слепым или безумным стремлением к неведомому Богу. Нет, она освещена светом христианской философии; она предполагает познание Бога и познание человека — теодицею, антропологию, психологию, этику и другие философские знания.

Однако, одной философии недостаточно для молитвы. Для нее необходимо также откровение Божие, для молитвы необходимо знать не только Бога Творца, но и Бога Сына, и Бога Духа Святого. Иными словами, необходимо знать Святую и Нераздельную Троицу, Единого Бога в трех Божественных лицах.

Христианские аскеты различают три периода духовной жизни: период очищения, период освещения или озарения и, наконец, период соединения или единства. В первом периоде христианин старается, главным образом, раскаиваться в своих грехах, отречься от всего того, что было причиной его грехопадений и что пленило его, держа его вдали от Господа Бога, и одновременно размышляет о неизбежной участи человека: прежде всего о смерти, а затем о том, что настанет сейчас же после смерти — предстание пред Господом Богом, дабы быть судимым от Него, и, наконец, услышать Его слова похвалы: «Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю. Войди в радость господина твоего». Или же слова порицания и осуждения «за лукавство и лень и всякие другие пороки и не хорошие дела и деяния». (Мат. 25).

В периоде же освещения христианин, освободившись от владычества плоти и всяких тварей и вещей, старается освещать себя светом Божественной Истины, стремится при помощи Откровения Господня, поучений Отцов святых и Церкви Христовой к возрастающему познанию Тайн Господних Господа Бога, а также самого себя в свете Божиим. В периоде же интимнейшего соединения или единства с Господом Богом, христианин как бы живет одной жизнью с Ним и творит дела с Ним, в Нем и только из-за любви к Нему.

Конечно, нельзя раз'единять этих путей или периодов христианского аскетизма и говорить, что вот, тут только один из них, а там другой, а еще дальше — третий! Нет, они существуют совместно и пополяются один другим, хотя один из них господствует над другим: в начале аскетической жизни период очищения, потом путь освещения и, наконец, время интимнейшего единства с Пресвятой Троицей. Эти пути или периоды аскетической жизни христианской крепко связаны между собой, и их раз'единять нельзя в жизни христианина.

Молитва, это, как указано выше, наша беседа с Отцом Небесным. Мы привели здесь краткое изложение трех аскетических путей только ради того, чтобы лучше понять смысл молитв. В первом периоде аскетической жизни, тема нашей беседы с Отцом Небесным соответствует первой ступени. Это беседа — о покаянии, об обращении от тварей Божиих и об обращении к Самому Господу Богу, о недолговечности человека на земле; молящийся беседует с Богом о своем предназначении к вечности и загробной жизни, о Премудрости Господней, о Его Доброте, Правдивости, Святости, Милосердии, о бесконечной жизни и счастии праведных в Нем, и о многих других предметах, способствующих усилению аскетического освещения. В любое время христианская душа может вести беседу с Отцом Небесным, наедине ли, в покое, или среди бурных житейских забот, везде и всегда она может размышлять о Боге, и Господь везде и всегда внимлет ее гласу и даст ей силы к постижению праведности. «Сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит».

Во втором периоде аскетической жизни, христианин ищет в молитве более широкого и глубокого знания Господа Бога и всех тайн искупления рода человеческого. Божественная Литургия, совершенно Таинства, Часы, Молебны, т. е. весь круг богослужений церковного года служат величайшим источником Богопознания, ибо через них христианин не только познает Бога и Его истины, но и усердно молится вместе со Святой Церковью, а молитва ее вместе с нашей словно фимнам возносится перед Лицом Господним; никто так тесно не соединен со Христом как Церковь Его, и, молитва Церкви как бы молитва самого Спасителя мира.

В третьем же периоде христианской аскетической жизни душа находится на высоте христианского достижения совершенства. Тут Сам Святой Дух является ее неотступным Учителем и Руководителем. «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во Имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам». (Иоанн, 4:26).

Эти обещания Христовы исполняются не только в Церкви Христовой, но и в душе каждого христианина, который жаждет святости, любви христианской, праведности, постоянного стремления к единству с Богом и к исполнению Его Святой Воли. Поэтому и пишет святой Павел: «Разве не знаете, что вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас». (1-ое Кор. 3:16). И опять: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1-ое Кор. 6:17). В своем же послании к Римлянам он же говорит: «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его... Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших, ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по Воле Божией». (Рим. 8:9, 26, 27).

Молитва также является посвящением себя Богу; мы Ему поверяем, что Он наш Создатель, Искупитель, Источник всех благ и совершенств, наш Отец Небесный, и что мы — Его создания, искупленные чада, зависящие от Него, во всем, как в области бытия, так и во всех действиях и деяниях наших; Павел, Апостол, пишет, что «мы Им живем и движемся и существуем».

Логическое последствие хорошей молитвы — хорошая жизнь! Быть в постоянном общении с Богом посредством молитвы — значит творить в нашей жизни то, чего Господь требует от нас. А требует Он от нас духовного совершенства — святости и праведности. «Он избрал нас в Нем (во Христе) прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны перед Ним в любви». (Ефес. 1:4). «Воля Божия есть освящение ваше». (Фесс. 4:3).

С другой же стороны, последствием хорошей христианской жизни является хорошая молитва. Невозможно посвящать себя священному делу молитвы если в нас нет духа христианской свободы, если мы в плену у низменных влечений и всего того, что, по учению святого Иоанна, является похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской. (1 Иоанн. 2:17). Ибо как же тогда возвестись к Господу Богу и вступить в молитвенное сношение, Божественную беседу с Ним?

Существует очень тесная связь между молитвою и жизнью христианина: они рука в руку действуют и взаимно исполняются, с сокрушением же одной стороны сокрушается и другая.

Что создали христиане в течение многих веков своей христианской жизни? Привели ли они человечество к Богу? Воссоединили ли они его с Троицей Пресвятой для славы Господней и для мира

и счастья всего мира? Остались ли они верны заповедям своего Божественного Учителя, т. е. заповедям христианской любви, праведности, святости, справедливости? Вняли ли они гласу святой песни, воспетой ангелами святыми над Вифлеемом: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»? Сделали ли они жизнь и деяния Христовы своей жизнью и своими деяниями? Осуществили ли они практически Его Святое Евангелие? Нет. Они не попытались создать истинно христианский мир и строй жизни, и не осуществили Христовых идеалов. Они распяли Христа — и Его Церковь через взаимные распри, раздоры и несогласия, они раз'единили ее на многочисленные отдельные церкви. Не надо ли сказать о них: «Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий»? (Мат. 27:35).

Вот почему не был осуществлен истинный мир среди человечества, хотя Христос через Свою Церковь непрерывно говорил и говорит нам: «Мир вам!» Слова Его — слова животворящие; достаточно их услышать, воспринять их смысл и осуществить их практически в ежедневной жизни, и Христов мир низойдет на человечество. Из-за вражды, ненависти, неправедности, ожесточения самих христиан, возникли в мире всевозможные пороки, угнетение, порабощение, умерщвление слабых сильными; а народные массы пострадали от своих правителей, именующих себя «христианскими», «христианской» привилегированной средой.

Христос говорит: «Я есмь лоза, а вы ветви: кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода: ибо без Меня не может делать ничего». (Иоанн. 15:5). Каким образом мы можем пребывать во Христе? Конечно, через Благодать Его искупительную, святую веру, Божественную любовь, христианскую добродетель, христианские деяния. Однако, без молитвы невозможно сохранить Божию Благодать в душах наших, а без Благодати Господней нельзя любить ни Бога, ни ближнего нашего любовью Божественной и в высшей степени плодородной, и, следовательно, нельзя перерождаться ни самому, ни перерождать и преображать других. Христианская молитва является необходимым условием для обоготворения человека и человечества через благодать. Христианская молитва, вознося христианскую душу к престолу Отца Небесного, неизреченно ее обогащает; она делается подобной Ему через дары, благодати и сокровища, которыми Он ее украшает. Однако, не для того дается благодать, чтобы христианская душа «скрыла таланты в земле», а для того, чтобы исполнила через них великую миссию в мире, во имя христианского мира, единства и благосостояния Церквей Божиих, праведности и благополучия человечества. Мо-

литва не только дело частное, но и великое дело общественное, и не только в церковном или монашеском смысле, но и в гражданском и политическом. Все человечество, все общества и социальные течения должны постоянно стремиться к высшей жизни, к истинному прогрессу человеческой и христианской культуры, к осуществлению величайших человеческих и христианских идеалов во славу Господа Бога и для счастья, как земного, так и вечного, всего человечества.

Миром Господу помолимся! О свышнем мире и о спасении душ наших Господу помолимся! О мире всего мира, благосостоянии святых Божиих Церквей, и соединении всех Господу помолимся! О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды Господу помолимся! Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею Благодатью! Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувши, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.

Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и святому Духу, ныне и присно, и во веки веков.

О. Иоани Тарасевич

Ордена Бенедиктинцев

МОНАХИНЯ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

(Воспоминания).

1932 год

Воскресение, 27 ноября. 10, бульвар Монпарнас. Открытое собрание Религиозно-Философского Общества на тему «Причины мирового безбожного движения». Выступают Н. А. Бердяев, отец Сергей Булгаков и ряд профессоров. Вера Александровна Зайцева знакомит меня с монахиней Маршей (Скобцовой). Она высокая, статная, легкая; круглое румяное лицо в черном апостольнике. Сквозь очки весело и насмешливо смотрят близорукие карие глаза. Она мне рассказывает о своем общежитии на вилла де Сакс, о своих планах и проэктах. Собирается открыть ночлежку и столовую для безработных, устроить миссионерские курсы. Приглашает к себе. Очень русская, энергичная и смелая.

*

**

9, вилла де Сакс. Тупичек, вымощенный большими булыжниками, освещенный одиноким фонарем; рядом глухая стена монастыря Кларисс, дальше какие-то ненаселенные места. Ворота автоматически открываются: небольшой дворик, двухэтажный особняк. В столовой за столом сидят монахиня Мария, ее мать Софья Борисовна, ее сын Юра — шустрый, быстроглазый мальчик лет 13-ти и несколько неопределенных девиц-пансионеров. Мебель сборная с аукционов Саль Друо: разнокалиберные стулья, качалка с «роскошной» подушкой, купленная за 7 франков. Мать Мария мне показывает свои владения. 14 комнат на втором этаже, домашняя церковь, сделанная собственными руками, иконостас с малиновыми цветами на синем фоне с белыми крыльями. Иконы Рейтлингера в рублевском стиле. «Чашу для св. Даров», говорит мать, нам подарила монахиня-нищенка, тоже мать Мария. Вы ее наверно знаете, она сидит у ворот церкви на рю Дарю и просит: «помогите, роди-

мые». И вот на свои нищенские гроши купила нам чашу». Потом пьем чай. Стиль общежития — веселый, все шутят и смеются. Большая простота и добродушие. Софья Борисовна приносит коробку с семейными фотографиями.

*
**

Конец декабря. Мать Мария уводит меня в свою «келию». Она ютится в закоулке за котлом для центрального отопления. Узкая железная кровать; дырка в полу заткнута старым сапогом — там живет крыса. «Пойдем ко мне, посидеть на пенле», говорит она. Рассказывает о своей поездке в Прибалтику. Она объездила много монастырей и убедилась, что монастырской жизни больше не существует. Есть личное благочестие и только. «А я хочу создать новую форму монашества — в миру, новый тип общежития, полу-монастырь, полу-братство. Мы, выброшенные в эмиграцию, висим в пустоте. Но зато наша Церковь никогда так не была свободна. Такая свобода, что голова кружится. Наша миссия показать, что свободная Церковь может творить чудеса. И, если мы принесем в Россию наш новый дух — свободный, творческий, дерзновенный — наша задача будет выполнена. Иначе мы погибнем бесславно».

*
**

1933 год

21 января на вилла де Сакс — съезд Лиги Православной Культуры. В субботу всенощная, в воскресенье литургия. Служит о. Сергей Булгаков. Львиная голова, порывистые движения, хриплый взволнованный голос. Когда он стоит перед престолом, кажется, что он в огне. Мать мне говорит: «Отец Сергей — мой духовный отец, я ему всем обязана. Через сто лет его буду почитать, как отца Церкви». Доклады, обсуждения: на ужин каша и чай. Владыка Евлогий благодарит меня за доклад и говорит: «Вот мать Мария постриглась и с тех пор все сияет».

В «Последних Новостях» прочел: «Церковь матери Марии. Вечерня и пасея. Краткое слово скажет отец Лев Жилл». Захотелось поехать. В маленькой, почти пустой церкви о. Лев читал по-французски страсти по Евангелию от Марка. Надвигались сумерки. Кто-то в углу стоял на коленях, кто-то плакал. Мать Мария лежала на полу ничком, прижав голову к рукам — долго и неподвижно.

*
**

Поздно вечером идем с матерью к Инвалидам через Эспланаду до Сены. Лунная ночь. Весна. Теплый ветер. Мать говорит: «Когда я была девочкой, я убежала из дому и долго до поздней ночи бродила над морем. У нас в Анапе высокие откосы, густая трава, внизу скалы и прибой. Вы знаете наше черноморское побережье? Как я его люблю! Осенью задует норд-ост, рвет волосы, свистит в ушах. Хорошо! Я и теперь больше всего люблю ветер. Помните у Блока:

«Ветер, ветер
На всем Божьем свете».

«Ну, а потом был Петербург, темные зимние дни, гимназия, тоска. Я писала стихи и мечтала о смерти. В молодости я всегда хотела умереть. После кончины отца я пережила бурный период «богоборчества». А дальше опять стихи, сборники «Скифские черепки» и «Руфь», поэты, ночные сборища, башня Вячеслава Иванова, цех поэтов у Гумилева в Царском, дружба с Блоком. Потом как-то неожиданно вышла замуж. Была эпоха символизма».

*
**

Обсуждаем с матерью программу миссионерских курсов. Лекции, семинары, дискуссионные собрания, борьба с безбожием, с равнодушными, оккультистами и сектантами. Сидим с матерью в ее чулане «на пепле». Она снимает апостольник и сразу делается моложе, домашнее, с трогательными двумя косичками. Увлечена идеей курсов. «А знаете, в миссионерстве есть большой соблазн. Вот существует Церковь, Евангелие, но чтобы привести к ним каких-то Ивана Ивановича и Марью Ивановну Богу понадобилась еще моя личность! Не очень ли я много о себе воображаю?»

Мать собирается снять дом в 48 комнат. «Необходимо иметь твердую базу и тогда можно будет завести и типографию, и журнал, и курсы, и столовую. Чем больше я думаю, тем больше прихожу к заключению, что путь мой правильный, что все другие пути не для меня. Правильный, но ах! какой трудный».

*
**

Сентябрь. Мать все умеет делать: столярничать, плотничать, малярничать, шить, вышивать, вязать, рисовать, писать иконы, мыть полы, стучать на машинке, стряпать обед, набивать тюфяки, донть коров, полоть огород. Она любит физический труд и презирает

белоручек. Еще одна черта: она не признает законов природы, не понимает, что такое холод, по суткам может не есть, не спать, отрицает болезнь и усталость, любит опасность, не знает страха и ненавидит всяческий комфорт — материальный и духовный. «Особенно духовный», говорит она, «всякие ты духовные пути в кавычках. Почти всегда это просто ханжество».

Мать говорит: «В марте будет два года со дня моего пострига. Подвожу итоги. В общем все стало проще, очень просто, совсем. И все меньше декламации. Вот уж для декламации никакого места не остается. Но я хочу сказать вещь, которую можно принять за смирение, хотя это вовсе не смирение. Вот на съезде много говорилось о «духовной» жизни, о «касаниях к мирам иным», о прозрениях, молитве. И многие говорили вполне искренно, и я им верю. А я думала: такой духовной жизни, о какой они говорят, у меня нет. Просто, если раскрыть мне череп, — кроме счетов, расписок, долгов и комбинаций ничего не найти. В этом смысле я хуже и ниже их всех. Это не смирение, это констатирование факта и все тут».

**

8 ноября. Открытие богословских (миссионерских) курсов. 56 слушателей. Вступительная лекция о. Сергия Булгакова. На курсах читают Ф., И., С., В., М.

**

23 декабря. Ф. Т. Пьянов организует православный съезд русских рабочих в фабричном поселке Кнютанж. Наш «экип»: мать Мария, Ф. Т. Пьянов, В. Н. Ильин, отец Виктор Юрьев и я. Выезжаем утром, едем шесть часов. Мать вяжет зеленые рукавицы и рассказывает о приходе в Кнютанж, о тяжелой жизни русских рабочих, о нужде, пьянстве. Она там бывала. Всех знает и любит, называет Кнютанж «своей паствой». Потрескивало паровое отопление, в окне — поля, покрытые инеем, серое небо и желтое зимнее солнце. От. Виктор пять лет работал в Кнютанж на сталелитейном заводе, четыре раза приход собирал деньги на его стипендию в Богословском институте, помог ему стать священником.

В Кнютанж осенняя в маленькой церкви с кустарной живописью. От. Симеон, седой с острыми птичьими глазами и резкими движениями, служит молебен. Идем в Русский дом — большая зала с портретами перской семьи. Доклады — мой, матери Марии, Илина. О смысле жизни, о религиозной природе человека. Аудитория слушает с напряженным вниманием. Простые русские лица, стро-

гие и печальные. После доклада матери Марии раздался чей-то женский голос: «Спасибо Вам, мать Мария; мы знаем, что Вы нас любите и мы Вас любим». На следующий день мать мне рассказывает, как она обходила своих старых друзей. Была в кantine, видела трех «пропавших» — окончательно спившихся. «Люблю я этих несчастных зверюг, редела вместе с ними. Они меня спрашивают хриплым голосом: «Мать, а когда мы пить перестанем?» Потом была в больнице, туберкулезные, конченные люди. У меня отношение ко всем им такое: спеленать и убаюкать — материнское. То, что я даю им так ничтожно. Поговорила, уехала и забыла. Но я поняла, почему не получается полных результатов. Каждый из них требует всей вашей жизни, ни больше, ни меньше. Отдать всю свою жизнь какому-нибудь пьянице или калеке, как это трудно. А вот я знаю, что это значит: в какую-то минуту воспылать любовью и внутренне как-то всю себя бросить под ноги другому человеку и этой минуты достаточно. И тут же, немедленно получится, что вы свою жизнь не потеряли, а получили вдвойне. Константин Васильевич, вот теперь, когда Вы так приняли в сердце мой несчастный Кнютанж, Вы для меня человек не только единомыслящий, но и «одночувствующий».

*
**

1934 год

Мать приютила у себя бесплатно одну несчастную морфиноманку, которая на следующий день украла у Таины 25 франков. Мать подбросила эти деньги под диван и за обедом сказала: «Вот как опасно обвинять, не разобрав дела. Деньги, оказалось, завалились за диван». Морфиноманка раслакалась.

*
**

Мать утверждает, что эмиграция мертва, что своими докладами мы только гальванизируем труп. Единственно жива в эмиграции Церковь, тоненькая жилка, по которой еще течет кровь. Только в Церкви мы можем что-то сделать. И в этом наше историческое призвание.

Слова матери: «Все больше убеждаюсь в том, что мне дано жить не во дворце Хозяина, а где-то подальше, на хуторах. Роль моя чисто инструментальная». «Когда я постриглась, я думала, конечно, о своей «духовной жизни», но вот с тех пор, как я стала монахиней, я поняла: Бог сделал меня орудием, чтобы с моей помощью расцветали другие души».

*
**

Мать снимает дом на рю Лурмель — 20 тысяч в год; денег никаких, риск огромный, но она не боится. «Вы думаете, что я бесстрашная. Нет, я просто знаю, что это нужно и что это будет. На Саке я не могу развернуться. Я кормлю теперь 25 голодающих, там я буду кормить сто. Я просто чувствую по временам, что Господь берет меня за шиворот и заставляет делать то, что Он хочет. Так и теперь с этим домом. С трезвой точки зрения, это — безумие, но я знаю, что это будет. Будет и церковь, и столовая, и большое общежитие, и зал для лекций, и журнал. Со стороны я могу показаться авантюристой. Пусть! Я не рассуждаю, а повинуюсь».

*
**

Новый дом. 77, рю де Лурмель. Мать и Юра устраивают церковь в гараже. Иконы, иконостас, вышивки. Мать полна планов: дом отдыха, институт православной культуры, духовное братство. Большие комнаты, огромный зал для собраний. Мать сияет и говорит: «Помните, я Вам говорила «все будет» и вот — все есть».

*
**

Воскресение, 14 ноября. Первый храмовый праздник на Лурмель. Церковь — Покрова Божией Матери. Совещанье с матерью и Пьяновым об организации христианско-социальной работы.

*
**

1935 год

27 сентября. На Лурмель литургия. Служит от. Сергей Булгаков. Торжественное заседание: Владыка Евлогий, от. Сергей, Н. А. Бердяев, мать Мария. Пьянов и я. Обсуждается и принимается устав «Православного Дела». Мать Мария — председательница. Владыка говорит: «Помогайте меньшей братии. Храни вас Господь. Над вами Покров Пресвятой Богородицы».

*
**

1936 год

В июле 1936 года мать Мария получает из России известие о смерти ее дочери. Тайны. Я помню ее огромные серые глаза, пепельные волосы, прелестьную улыбку. Никогда я не видел матери

такой вдохновенной и расплавленной. «Очень было тяжело. Черная ночь. Предельное духовное одиночество. Бессонными ночами я ее видела и с ней говорила. Все было темно вокруг и только где-то вдали — маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть». Когда я ухожу, она молча прижимается головой к моему плечу.

*
**

Сентябрь. Мать в непрерывной работе, сутолоке, разъездах. Посещает дома умалишенных. Госпиталя. Лекции. Кружки. Доклады по приходам. Дешевая столовая. Дом отдыха в Нуази-ле-Гран.

*
**

К матери пришла вдова внезапно скончавшегося шофера. Ей негде жить. На Турмеле свободной кровати не оказалось. Мать положила ее с собой. Ночи напролет с ней говорила, успокаивала. «Мне сейчас удивительно хорошо. Не чувствую себя — большая легкость. Хорошо бы отдать себя совсем, чтобы ничего не осталось. Счастливых людей нет, — все несчастные и всех жалко. О, как жалко! Наша церковь постепенно превращается в кладбищенскую, почти каждый день похороны. Вот и сейчас, посмотрите в окно: несут гроб».

*
**

Из разговора с матерью: «Я ничтожна, но судьба моя огромная. Мне дана страшная сила (не моя) и она меня раздавливает. Есть люди с трагическим мировоззрением, но не с трагической судьбой. У меня никакого мировоззрения нет, но я знаю, что судьба моя трагическая».

*
**

Мать заперлась в своей комнате и с утра до вечера стучит на машинке статью «Мистика человекообщения». «Это тема моей жизни», говорит она. «Почему так подробно и тонко описаны лестницы восхождения к Богу? Существуют бесчисленные путеводители и руководства к Богообщению, а о мистике человекообщения ничего не написано? Но, ведь путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет. Человек есть образ и подобие Божье, храм Духа Святого, нетленная икона Божества. И человекообщение есть великая тайна и таинство. На Страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я го-

лодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме. И только это спросят. О каждом нищем, голодном, заключенном Спаситель говорит «Я», «Я алкал и жаждал, Я был болен и в темнице». Подумайте только: между каждым несчастным и Собой Он ставит знак равенства. Я всегда это знала, но вот теперь это как-то меня пронзило. Это страшно.

*
**

1937 год

Мать читала мне свои стихи. Только что вышел ее сборник. Она листет стихи залюбом. Потом надолго забрасывает. Никогда стихов не отделявает. Но есть у нее строки сильные, рвущие сердце, «рыдательные». Тяжба Иова с Богом: «Почему, почему Ты не сжалишься...»

*
**

Мать написала замечательную статью о христианстве синодальном, эстетическом, аскетическом и евангельском. Она охвачена воинственным духом, любит борьбу. Бунтует против «духовного комфорта», «христианского благополучия», обрядового благочестия. «Лучше кликушествовать и юродствовать, чем попивать чаек с просфоркой».

*
**

Мать продолжает бунтовать. Она говорит, что отдаст дом другим монахиням и пойдет скитаться по Франции. «Теперь мне ясно: или христианство — огонь, или его нет. Мне хочется просто бродить по свету и взывать. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное. И принять всякое поношение и зол глагол. Мне бывает очень тяжело, я бы могла смириться, если бы поверила, что правда моя относительная». Когда на мать находит тоска, она устраивает «генеральную чистку» всего дома, моет полы, красит стены, клеит обои, набивает тюфяки.

*
**

12 июля. Панихида по Таяне. Мать воспоминает прошлое. «И в каждой полосе моей жизни была такая пронзительная печаль, разная, но всегда печаль. Когда мы приехали во Францию из Сербии, мы страшно нуждались. Жили всей семьей, пять человек, на

15 франков в день. Я делала куклы, пошуары, работала 10—12 часов в сутки, слепла. Зарабатывала гроши. А когда умерла моя маленькая Настюша, — решение мое уже было принято. И я стала готовиться к постригу. Препятствия были непреодолимые. Но Господь взял за руку и вытащил».

Комната, в которой живет мать Мария — под лестницей, между кухней и прихожей. В ней большой стол, заваленный книгами, рукописями, письмами, счетами и множеством самых неожиданных предметов. На нем стоит корзинка с разноцветными мотками шерсти, «боль» с недопитым холодным чаем. В углу — темная икона. На стене над диваном — большой портрет Таяны. Книжные полки, плакары, старое кресло с вылезавшей мочалкой. Комната не отапливается. Дверь всегда открыта. Иногда мать не выдерживает, запирает дверь на ключ, падает в кресло и говорит: «Больше не могу так, ничего не соображаю, устала, устала. Сегодня было около 40 человек и каждый со своим горем, со своей нуждой. Не могу же я их прогнать». Но запираение на ключ не помогает. Начинается непрерывный стук в дверь. Мать отворяет и говорит мне: «Видите, так и живу».

*
**

Мать считает музыку неприятным шумом и вполне лишена слуха. Но помню, раз на Пасху, после розговен Юре удалось уговорить ее запеть. Она запела низким, неверным и каким-то неожиданным голосом:

«Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко».

Песня о «священном Байкале» — ее любимая. Юра был в восторге: «Я так люблю, когда мама веселая. Но это бывает редко».

*
**

1938 год

Мать Мария читает мне свою статью о тоталитарных государствах и демократии. В кружке Фондаминского*) она говорит, что «предчувствует неслыханную катастрофу: культура кончена. Мы вступаем во времена эсхатологические». Ее христианство освещено огнем конца мира и Страшного суда. «Наша цель — ускорить конец». Возражает Федотов, защищая христианство, строящее культуру и улучшающее общежитие. Мать восклицает: «Неужели Вы не чувствуете, что конец уже близко, «при дверех»?».

*) И. И. Бунаков-Фондаминский.

**

Мать мне жалуется: «У меня бесконечная усталость. Руки опускаются. Настроение ровно мрачное. Ничего не делаю, сижу и вышиваю. Если кто-нибудь претендует на мое вмешательство, я соглашаюсь. Единственно, что я сделаю по собственной воле, это уеду на четыре дня по сумасшедшим домам. Тьма надвигается. Мы уже давно живем в лепрозории». В течение пяти дней мать Мария объезжает дома умалишенных. Возвращается потрясенная. Берет на поруки несколько «мнимых» сумасшедших (один из них Анатолий Висковский). Налаживает помощь. Путешествует она без чемодана, без вещей, почти без денег.

**

1940 год

28 апреля. Пасхальная заутреня в церкви на Лурмель. Мать ешла для отца Дмитрия пасхальное облачение, из тонкого белого шелка, — никаких украшений, только на фелони красным шелком вышита монограмма: «Иисус Христос, Альфа и Омега». Город был погружен во мрак, по ночам завывали сирены. Крестный ход с хоругвями и иконами пересек темный двор и остановился у дверей дома. От Дмитрий трижды громко постучал. Двери распахнулись. После темноты ослепительный свет. Море горящих свеч. Между окнами на возвышении — престол. Вокруг него цветы — бело-розовые ветви цветущей яблони, белая сирень, лилии, нарциссы. Юра в парадном шелковом стихаре со свечей и розами.

От Дмитрий не ходит, а летает по зале. Его белое легкое облачение взвивается крыльями. Он «веселится о Господе». Звонким ликующим победным голосом восклицает: «Христос Воскресе!» На пути его расступается толпа, волнуются огоньки свеч, переливается радостный гул «Воистину Воскресе». А он, уже у престола, произносит краткую ектению и снова устремляется в толпу — белый, сияющий, окрыленный, с огненными розами в руке. Мне кажется, что он похож на ангела, отвалившего камень от Гроба. Мать Мария стоит у престола, горящая свеча снизу освещает ее лицо. Глаза у нее заплаканные и счастливые. После заутрени — праздничная суета, христосование, поздравления. Толпа расходится. Оставшиеся идут в церковь на литургию. Все причащаются. От Дмитрий читает торжество: «В начале бе Слово и Слово бе к Богу

и Бог бе слово...» — “In principio erat Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum”. За тонкими стенами убогой церкви-гаража — тьма войны, тьма страшной весны 1940 года. А в церкви, в белом райском свете, звучат непреложные слова: «И свет во тьме светится и тьма его не объяст».

*
**

10 мая. Немцы вторгаются в Бельгию и Голландию. Трагические дни. В кружке Фондаминского мать Мария с вдохновением говорит о проклятиях времени, о безумии истории. Но время и историю можно победить прорывом в вечность, религиозным подвигом. Время — линия горизонтальная, религиозный взлет — вертикальная. Их пересечение образует крест. Крест — освобождение, «легкое бремя».

*
**

21 мая. Поль Рено объявляет по радио о разгроме армии Кораба и взятии немцами Арраса и Амьена. Мать спокойна: «Я не боюсь страданий и люблю смерть». — А как будет после смерти? — «Не знаю... просторно. И там мы узнаем маленькую тайну, что ад уже был». «Если немцы возьмут Париж, я останусь со своими старухами. Куда мне их девать? А потом буду пробираться на восток, пешком, с эшелонами, куда-нибудь. Уверю вас, что мне более лестно погибнуть в России, чем умереть с голоду в Париже. Я люблю Россию. Патриотизм — глупое слово. Это совсем другое. Вот Илюша (Фондаминский) настаивает, чтобы я уехала из Парижа. А зачем я уеду? Что мне здесь угрожает? Ну, в крайнем случае немцы посадят меня в концентрационный лагерь. Так ведь и в лагере люди живут».

*
**

Мать рассказывает свой сон: «На площади Конкорд бьется окровавленный и израненный галльский петух и движется процессия. Впереди идет тигр, за ним, медведь, дальше другие — все без лица, одни копыта. И тащут колесницу. Я не могу разглядеть того, кто на колеснице. Я проснулась...» «При первой возможности поеду в Россию, куда-нибудь на Волгу или в Сибирь. В Москве мне нужно пробыть только один день, пойти на кладбище, на могилу Таяны. А потом где-нибудь в Сибири буду странствовать, миссионерствовать среди простых русских людей».

**

Конец августа. Мать кормит голодающих, ездит на Halles и таскает на плечах тяжелые мешки с овощами. Рукав пыльной ряссы разорван, на ногах стоптанные мужские башмаки...

**

Кантинка на Дурмель признана муниципальной. В сарае мать устроила дешевый рынок. На заседании «Православного Дела» разговоры о ценах, запасах, картошке и капусте. «Сейчас не до идеологии. Зимой будет голод. Нужно спасать погибающих».

**

20 сентября. Налеты немцев на Англию. Мать просит записать ее предсказания: «Вот начались равноденственные бури. Англия спасена. Германия проиграла войну».

**

Июнь. Германия объявляет войну России. Арестовано несколько сот русских. Среди них Пьянов, Фондаминский, Кривошеин, Альперин. На Дурмель организуется помощь заключенным в лагере в Комьене. Целая фабрика посылок.

Мать говорит: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет «русский период» истории. Россия распространится от Ледовитого до Индийского океана. Все возможности открыты. России предостит великое будущее. Но какой океан крови!»

**

Когда евреям было приказано надеть желтые звезды, мать Мария мне говорила: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. Неужели Вам непонятно, что борьба идет против христианства? Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды. Теперь наступило время исповедничества. Большинство соблазнится, но Спаситель сказал: «Не бойся, малое стадо». Она читает мне свое новое стихотворение о звезде Давида:

«Два треугольника, звезда
Щит праотца, царя Давида —
Избрание, а не обида,
Великий путь, а не беда...»

*
**

1942 год

Июль. Массовые аресты евреев. На Лурмеле преполнение. Живут люди во флигеле, в сарае, спят в зале на полу. В комнате отца Дмитрия ютится целое семейство, в комнате Юры — другое. И еврей, и не еврей. Мать говорит: «У нас острый квартирный кризис. Удивительно, как нас до сих пор немцы не прихлопнули».

*
**

1943 год

9 февраля. Обыск Гестапо на Лурмель. Арестован Юра. Немцы заявляют, что не освободят его, пока к ним не явится мать Мария.

*
**

10 февраля. Арестован от. Дмитрий*). Мать возвращается из деревни. Собирается на следующий день идти в Гестапо. Дает последние распоряжения о доме. «Я крепкая, я вынесу. Да и война скоро кончится. Только бы Юрочку отпустили».

*
**

22 февраля. Немцы являются почти через день. Входят в церковь, разгуливают в алтаре. Арестованы Ф. Т. Пьянов, Ю. П. Качачкин, А. Висковский. Разъяренный гестапист, балтийский немец, говорящий по русски, кричит Софье Борисовне: «Вы свою дочь больше никогда не увидите».

*
**

1 марта. Все наши арестованные помещены в форт Ромэнвилль. Письмо от матеря: “Nous sommes ensemble, tous les quatre. Je me trouve dans une grande salle avec 34 personnes. On se promène deux fois par jour, on se repose, on a beaucoup de temps

---

*) От. Дмитрий Клеппинн впоследствии скончался в концентрационном лагере в Компъэнь от истощения.

libre. Vous êtes plus malheureux que nous. J'espère que ce n'est pas pour longtemps" *).

27 апреля. Д. Е. С... был в Ромэнвилле. Свидания с матерью Марией ему не дали, но он случайно видел, как ее уводили "pour une destination inconnue" **). Он стоял на обочине узенькой улочки и мимо него проехал автокар с депортированными. Он сразу узнал ее лицо, полное, румяное, улыбающееся.

*
**

Среда, 5 мая. Письмо от Юры, сына матери Марии: «Мои самые родные! Христос Воскресе! 27 апреля маму отравили в Германию, она провела ночь в нашем лагере в Компьень и я мог с ней повидаться. Она была бодра и очень ласкова. Наверно скоро и нас увезут в Германию. Мы каждый день служим литургию и причащаемся».

*
**

28 января. Софья Борисовна получила открытку от матери от конца декабря. Она в лагере Равенсбрюк в Мекленбурге. Пишет, что здорова. Много думает о работе, о будущем. "Ich bin stark und kraeftig" ***). Но в конце письма фраза: «Я стала совсем старухой».

Газета "Témoignage Chrétien", Vendredi, 4 Mai, 1945.

FRATERNITÉ.

Deux déportées politiques communistes françaises du Nord, rapatriées du camp de Ravensbruck racontent: "Il y avait dans notre block une religieuse russe, Mère Marie. C'était une femme extraordinaire. Un jour on avait désigné, comme cela se faisait régulièrement, un certain nombre de femmes malades pour la chambre à gaz. Les condamnées se désespéraient, elles ne voulaient pas se résigner à mourir. Mère Marie essaya de les raisonner, leur expliquant qu'elles se trompaient, qu'on allait les changer de camp. Mais cela ne les convainquit pas. Alors elle se décida et leur dit: "La preuve

---

*) «Мы все четверо вместе. Я нахожусь в большой зале с 34 людьми. Гуляем два раза в день, отдыхаем, у нас много свободного времени. Вы ясчастнее нас. Надеюсь, что это не надолго».

***) «По неизвестному назначению».

****) «Я сильна и крепка».

que je ne crois pas à la chambre à gaz, c'est que je vais prendre la place d'une d'entre vous". Et c'est ainsi que Mère Marie alla volontairement au martyr pour aider ses compagnes à mourir*)." ."

БРАТСТВО.

Две политические депортированные французские коммунистки из департамента Нор, репатриированные из Равенбрюкского лагеря, рассказывают: «В нашем блоке была русская монахиня, мать Мария. Это была необыкновенная женщина. Однажды было намечено, как это происходило постоянно, некоторое число больных женщин для газовой камеры. Приговоренные отчаялись, не хотели покориться и идти на смерть. Мать Мария пыталась увещевать их, объясняя им, что они ошибались, что их переведут в другой лагерь. Но это не убеждало их. Тогда она решилась и сказала им: 'Вот доказательство, что я не верю в газовую камеру: я заступлю место одной из вас'. И таким образом, мать Мария добровольно пошла на мученичество, чтобы помочь своим подругам умереть».

*
**

Песмотря на все наши старания, нам не удалось установить достоверность этого рассказа. Другая депортированная из Равенбрюка сообщила, что Мать Мария вела в лагере миссионерскую работу, утешала и духовно укрепляла заключенных. Весной 1945 года она заболела от истощения и была так слаба, что уже не вставала с койки. В марте, вместе с другими больными, она была отправлена в другой лагерь, из которого до сих пор не вернулась.

М. Мочульский

---

*) Газета «Христианское Свидетельство», пятница 4 мая 1945 г.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МИСТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ

Книга Владимира Лосского "Essai sur la Theologie Mystique de l'Eglise d'Orient" заслуживает большого внимания. Это — изложение самого существенного для духовного роста человека.

Лосский говорит о том «едином потребном» к которому все остальное придается. Но по сравнению с значительностью этого «единого» как-то и не важно придастся-ли остальное или нет.

Главное значение «Опыта изучения» заключается, конечно, в его содержании хотя и другие его аспекты существенны и показательны. Что эта книга написана во время немецкой оккупации и издана в Париже в 1944 году, свидетельствует о том, что ни гнетущее присутствие врага, ни нравственные страдания, ни физические лишения не могут остановить духовного творчества.

Прекрасный французский язык книги делает ее доступной Западу именно тогда, когда восточная Церковь вышла из затвора; когда возрастает желание у последователей различных вероисповеданий ознакомиться с учениями отдельных церквей.

Это не совпадение, а благодатная своевременность. Своевременна книга еще и потому, что отвечает потребности ищущих истины и разочаровавшихся в религиозных суррогатах, которые так много сулили и так мало, или ничего не давали.

Возникла необходимость в оздоровлении, захотелось подлинного, испытанного, углубления в основные положения веры.

Забывшие Церковь вспомнили о ней, вспомнили о тех духовных богатствах, которые в ней хранятся.

Церковь! Мы знаем все, что можно сказать о слабостях всех вероисповеданий. Пастыри и паства часто бывали не на высоте призвания, за что и жестоко поплатились.

Но нельзя допустить, чтобы испытание прошло даром. И для церкви и для христиан наступило ответственнейшее время — один из тех поворотных моментов, которые влияют на ход истории хри-

стианства. Для верующих настало время в полной мере осознать свою принадлежность к мистическому телу Христову, которым является Церковь.

Необходимо вновь обратиться к творениям святых отцов и учителей Церкви. Надо изучать религиозных мыслителей, вникая во весь этот ценнейший материал для духовного развития.

Движение к истокам — отнюдь не возвращение к старому, изжитому. Оно возникает из признания, что самые начала истины не были нами пережиты, поняты, что сокровище лежало под спудом.

И тут «Опыт исследования Мистического Богословия» может помочь не мало. Он толкает и к изучению, и к переживанию того, что многими признается непонятной отвлеченностью, недоступными положениями.

Книга глубоко волнует своим изложением истины и красоты, которую люди забыли, но по которой они тоскуют. В вечном свете этой истины и проблемы наших дней приобретают иное значение.

Для Лосского и его единомышленников исторические явления раскрывают свой истинный смысл лишь в той духовной плоскости, где судьбы мира ведут к центральной реальности, к Телу Христову, к Церкви. «Мировая история — история Церкви, мистической основы мира».

Если стать на эту точку зрения, то страшные события, загромождающие весь наш кругозор, как-то раздвигаются и позволяют взору проникнуть в духовную сферу, которая и есть наше родовое наследство. Проникновение в эту среду — никак не уход от повседневной жизни, а лишь приближение к возможности более правильной оценки, более верного разбора явлений.

Так, например, современный конфликт между личностью и обществом разрешается Церковью и может служить примером его развязки. «Церковь — единственное общество, где согласованы интересы индивидуума и коллектива: высшие стремления каждого соответствуют конечной цели всех»... «Прямой смысл католическости охватывает не только единство, но и множественность; он указывает на согласованность, или лучше на тождественность единства с множественностью. По этому Церковь католическа в целом, как и в каждой своей части. Полнота совокупности не есть сумма частей, так как каждая часть имеет ту же полноту как и совокупность», читаем мы у Лосского.

Опыт исследования, конечно, требует сосредоточенности и размышления. Но и первое ее чтение уже обогащает. Оно — как полет над землей обетованной, открывающий все места, где нужно будет остановиться и пожить.

Характерная черта книги — переживаемость, применимость: «Восточная традиция», говорит автор, «никогда резко не отличала мистику от богословия, личный опыт божественных тайн от догматов Церкви», и затем объясняет, что этот опыт не есть, разумеется, постижение тайны простым рассудком нашим, а процесс при котором человек глубоко изменяется, духовно перерождается, готовится к мистическому переживанию. Тут вступает в свои права тот парадокс, что «смысл христианской теории чисто практический». Чем теория делается более мистической, тем она становится все более и более практической, ибо цель не отвлеченное знание, а переживание единения с Богом, обожествление.

Разбирая ареопагитский трактат о «мистическом Богословии», Лосский останавливается на различии путей, ведущих к познанию. Денис Ареопагит различает два богословских пути, путь утверждения, катафатический и путь отрицания, апофатический, путь отрицания.

Если первый приводит нас к частичному познанию, то второй ведет к полному неведению, которое одно только соответствует непознаваемости Бога. Познание ставит себе целью охватить то, что есть, Бог же превосходит всякое бытие.

Только в отрицании всего существующего лежит возможность достижения его. «Неведением — агнозисом — постигается тот, Кто превосходит всякий объект познания» — Григорий Нисский говорит: «Всякая концепция Бога есть идол»; и Григорий Назианский — «Невозможно выразить природу Бога, но еще невозможнее ее понять».

Лишь благодать дарует нам сознание непостижимости Бога и это сознание равняется уже личному опыту, встрече с Личным Богом откровения.

Было бы интересно сравнить апофатизм греческих отцов с апофатизмом Карла Барта, который придает такое большое значение непознаваемому, невыразимому.

«Непознаваемость не равносильна агностицизму или отказу познания Его. Но это познание всегда будет совершаться на пути, конечная цель которого не познание, а единение, обожествление. Это будет не отвлеченным, а созерцательным богословием, вводящим душу в реальность, не доступную пониманию... Апофатический путь не приводит к отсутствию, к полной пустоте, ибо непознаваемый Бог Христиан не безличный Бог философов. Автор трактата препоручает себя «Насущной Пресвятой Троице, более чем божественной, более чем милостивой» начиная путь, который должен его привести к абсолютному присутствию и полноте».

Мы знаем, что для восточной церкви Троица — несокрушимое основание всякой религиозной мысли, всякой духовной жизни, всякого духовного опыта. Богу-Троице посвящена вся Третья Глава.

В Седьмой и в Восьмой Главе автор разбирает творчество Сына и творчество Духа Святого. «Воли Отца, говорит он, источник воли, воля Сына — послушание, воля Духа Святого — завершение».

Кроме этих видов божественной воли, существует еще и наша человеческая воля, которая создала новый экзистенциальный мир — мир греха.

В этот мир вступил Спаситель и взял на себя грех, отделяющий нас от Бога. Исполнив свою миссию, Сын уступит свое место Духу Святому, дабы действие Духа могло исполниться. «Если Христос является Главой Церкви, которая есть Его Тело», то Дух Святой есть «Тот, Который наполняет все во всем». Церковь — Тело, поскольку Христос ее Глава, она Полнота, поскольку Дух ее оживляет и наполняет божественностью... Можно сказать со святым Иринеем: «Где Церковь — там Дух; где Дух — там Церковь. Можно добавить: «Где Дух — там и Пресвятая Троица». Наряду с действием Св. Духа в Церкви, существует и другое его действие проявившееся в день Пятидесятницы, когда огненным языком, он снизошел на каждого в отдельности. «Нисхождение это не является продолжением воплощения Христа, оно — последствие его и является как бы целью божественного соизидательства на земле, изливание благодати».

На негативном пути, Св. Дух в некотором смысле является наставником, ведущим человека к единению с Богом, к жизни во Христе, к участию в жизни Пресвятой Троицы.

Мы не имеем возможности, как это следовало бы, остановиться на каждой главе в отдельности и на их темах, как, например, толковании благодати или духовной антропологии: «Величие человека не в том, что он микрокосм, а в том, что он создан по образу и подобию Бога», и на других аспектах православия. Нужно бы подчеркнуть Триадо-центричность мистического богословия и особенности русскости святости, а также проследить интересные заметки об избавлении от эллинистического элемента в восточной теологии; остановиться на характерных чертах, которые так выпукло проступают при чтении книги.

Ценность материала и его обработка требуют скорейшего перевода как на русский, так и на английский язык для тех, кто остро чувствует отсутствие такой документации.

Кончаешь этот «Опыт» с чувством благодарной радости и за ее содержание и за то, что он обещает. Мы вправе многого ждать от автора. Владимир Лосский продолжает славную традицию русских религиозных мыслителей. И если он много обещает, то нельзя забывать, что он уже много дал и своим знанием и живым участием в духовной жизни Франции, которую он обогащает своим православным мистическим богословием.

И. Манциарли

А В С Т Р А Л И Я

У многих, интересующихся Австралией, возникает вопрос, существует ли в этой стране своя культура?

На этот вопрос трудно ответить простым «да» или «нет». Первое было бы поверхностно, второе несправедливо.

В Австралии огромные потенциальные, культурные возможности. Но чтобы проверить это утверждение, нужно, прежде всего, вспомнить историю этой страны и проанализировать, как рос психологически и развивался австралиец.

Два фактора сыграли в его судьбе превенствующую роль: географическая отдаленность и духовная изолированность.

Как известно, в раннем своем периоде, всего сто лет назад, Австралия была английской тюрьмой. Туда ссылались преступники, среди которых бывали люди, далеко не всегда преступные. Они были либо политическими, либо религиозными протестантами, либо жертвами доносов, либо, как это видно на примерах женщин, ссылались по малейшему поводу, просто потому, что их необходимо было послать для создания семей. Известно много случаев, когда ссылали в Австралию безработных, укравших кусок хлеба или зеленъ с лотка.

Если бы Австралия была так же близка к Англии, как, например, французские колонии на севере Африки близки к югу Франции, определенный австралийский тип — комбинация англосаксонца с австралийской почвой — никогда бы не родился.

Уже в ранние годы жизни этой страны, к ее берегам приплывали не только сосланные и их суровая стража. Туда и эмигрировали. И это означало, что человек сжигал за собой свои корабли. Вернуться было почти невозможно. В Австралию уезжали бунтари, революционеры духа. Происходил как бы автоматический процесс отбора людей с огромной инициативой. Тот, кто не выносил тяжелой, бесправной жизни, тот, кто шел на все виды риска, на полную неуверенность и неизвестность.

Свободные духом, непокорные и смелые, покидали свою родину, оставляя позади себя тяжелые условия и жестокие устои дореформенной Англии

Конечно, можно с уверенностью сказать, что среди этих эмигрантов не было ни одного типичного, среднего англичанина.

Эти эмигранты — основатели новой нации, прототипы людей новой формации, воплощавшие совершенно новое отношение к жизни, были новыми семенами, падавшими на благодатную и плодотворную почву.

Из страны туманов и серого неба они попадали в солнечный край, край необъятных пространств, вариаций погоды, богатства красок и ароматов. Но в тоже время в край, требующий максимальной энергии, постоянной предприимчивости и приспособляемости.

Климат Австралии играет огромную роль в том, что именно таким, каким мы его знаем, стал австралиец. Климат этот — самый неверный, невероятный, полный неожиданностей. Проявление его немисливо предсказать. Грозы, ливни, наводнения, засуха, лесные пожары не знают времен года, непокорны законам. Зимой и летом они налетают внезапно, часто разрушая в один день то, что создавалось годами и упорным, терпеливым трудом.

Австралиец такое бедствие не сломит. Он стоически примет его и начнет заново работать на своей земле, рискуя снова также потерять все в один ден, надеясь на то, что один удачный год вознаградит его за прошлые потери.

Вот эта постоянная неуверенность в материальном благополучии, борьба, вечный риск, закалив австралиец — научили его спокойно принимать всякие невзгоды, и в тоже время выработали в нем азарт игрока. Риск и игра — инстинктивные его черты. Он всегда готов рисковать во всем. Со школьной скамьи он играет на скачках, участвует во всевозможных лотереях и играх, держит пари по всякому поводу.

Теперешний австралиец — результат обстановки и истории. Это — человек действия. Огромные расстояния, необходимость терпения сделали его терпимым, готовым смеяться над самим собой. При неудаче он готов ко всяким экспериментам и переменам. Среднему австралийцу ближе факты, чем идеи. Говорить и думать ему легче о конкретных, а не об отвлеченных вопросах. Этим объясняется наличие большого числа выдающихся инженеров и авиаторов, крикетеров и всякого рода спортсменов, политиков, пожалуй, и артистов, но нет философов и мыслителей. Независимый и привыкший к свободе, австралиец не поддается дисциплине. Как и в первой Великой, так и в этой войне он возмущал представителей английского командования своей развязностью и неподобранностью. Он не отдает честь, не становится во фронт и типичный английский

офицер с моноклем и хлыстом вызывает в нем насмешку. При всей своей мужественности он очень застенчив и поэтому старается казаться суровым и небрежным в манерах и в намеренно неправильном, подходящем до искажения английском языке.

Но в бою и в опасности он безудержно храбр и отважен. Привыкший к всевозможным неожиданностям, он проявляет на войне главные свои подлинно национальные черты: инициативу и удивительную выносливость, азарт, задор, стопческое терпение, чувство грубоватого юмора, непрезойденную солидарность и высокое чувство товарищества.

Последняя война возымела уже и будет иметь огромное значение для Австралии во многих отношениях. Она показала не только то, на что способна австралийская армия, большая часть которой состояла из добровольцев, она опровергла мнение многих, не знавших этой страны, будто австралиец — полуграмотный дикарь. В австралийскую литературу переживания войны внесли ценный вклад. Война была толчком для пробуждения новых мыслей и возможностей и вызвала неудержимую потребность выражения творчества, что вылилось в целый ряд талантливых произведений — поэзию и прозу, которые войдут в историю английской литературы и не будут забыты. В осажденном Тобруке, в песках Ливии, в сирийских пустынях и горах, в древней Палестине родились удивительные по глубине мысли и замечательные по оригинальности стихи. Много чудесных, ярких описаний природы, дикой красоты джунглей Новой Гвинеи, коралловых рифов и кокосовых рощ Тихого океана.

Последствия этой войны сказались и в том, что она пробила брешь в стене духовной изолированности Австралии. Еще в предвоенные годы, преследование Гитлером евреев закрыло многим талантливым артистам еврейцам доступ к сцене и заставило эмигрировать многих выдающихся профессоров, докторов и научных деятелей.

Многие из них избрали Австралию, как место временного или постоянного пребывания. Эта волна привела в страну новые элементы и нужно подчеркнуть, что австралийцы оказались в высшей степени отзывчивы. Музыка и пение особенно близки их душе. Посетившие Австралию известные дирижеры, пианисты и певцы — все нашли восторженный прием. Почти каждый из них отметил несколько молодых талантов, благодаря чему они получили возможность продолжать свое музыкальное образование в Америке и Англии. Трудно поверить при этом, что в Сидней и Мельбурне, самых больших городах страны, нет постоянного театра и лишь по одному

концертному залу. И в то же время огромные деньги тратятся на постоянные скачки.

Лишь в последние годы появляются в печати протесты против такого положения вещей. Но пройдет вероятно не мало времени, пока эти протесты найдут должное внимание. Протест австралийца носит всегда пассивный характер. Революции тут не будет.

Понимая прекрасно невозможность развития культурной жизни при существующих условиях, австралиец со свойственным ему грубоватым юмором смеется над собой: ходячая шутка тут, что лучший экспорт его страны — это шерсть и мозги.

Мельба оставшись здесь, не была бы известной; создав себе мировое имя — она была признана и тут.

Есть не мало австралийских ученых, составивших себе имя при европейских и американских университетах. Здесь они не могли оставаться, не имея нужной атмосферы и возможностей.

В следующем очерке я коснусь домашней, социальной и политической жизни несомненно существующей уже «своей» австралийской поэзии, с ее обычным конфликтом — разладом внутреннего богатого мира с внешней стандартной жизнью: прозы с ее динамическим описанием «среднего» человека и его борьбы с природой и местными условиями; музыки, пока не богатой, получившей в последние годы сильный толчок для дальнейшего развития, живописи, которая в наши дни дала несколько больших мастеров, произведения которых могут украсить любую европейскую картинную галерею.

А. К. Клодницкая

Сидней, Австралия.

ДЖОН Р. МОТТ

Кончилась война. Едва началась новая послевоенная эпоха. Закладываются основания мира всего мира. И из Америки выезжает на восток, в объезд больших и малых стран, неутомимый борец за этот самый мир. Он действительно неутомим и непреклонен. Ему за восемьдесят лет и он боролся за мир всех народов во Христе во всех частях света до Первой мировой войны, после нее и вплоть до Второй мировой войны. Он готов возобновить свои усилия и теперь.

Более полувека этот человек посвятил на установление взаимопонимания между людьми. За эти десятилетия он объездил 76 стран. Вычислено, что он проехал в жизни свыше 1.700.000 миль, — расстояние, равное 68 кругосветным путешествиям. Он вошел в общение со всеми ветвями и разветвлениями христианского мира. Он достиг вершин почета и уважения, ибо нет, кажется, такого христианского вероисповедания на земле, которое не наградило его усилия какой-нибудь почетной степенью, дипломом или грамотой. Он с ранней молодости постиг вселенский характер христианства и сам сумел стать вселенским христианином.

Человек этот — американец. Не будет преувеличением сказать — самый замечательный американец нашего времени. Такими людьми гордятся великие народы. Этот человек готовился первоначально к юридической карьере и мог думать о государственном поприще. Он был бы дальновидным парламентарием и, быть может, чтимым президентом Соединенных Штатов. Но политический путь он отверг по зрелом рассуждении еще в университете. Восемь американских президентов, начиная с Теодора Рузвельта, относились с почтительным уважением к своему соотечественнику, которого один из его биографов имел основание назвать «Гражданином мира».

«Гражданин мира» и неоспоримо первый мирянин в протестантском христианстве это — Джон Р. Мотт. Он за полвека своих странствований, паломничеств и кампаний возглавлял съезды христиан всех Церквей в Иерусалиме и у Китайской Стены, на скатах Афонской горы и в недрах далекой Индии, на японских островах и

на нагорьях Мексики, у устья Нила и на берегах швейцарских озер. Он выступал перед духовенством пресвитерианской Шотландии и перед церковным собором в православной Москве. Он обращался к съездам скандинавских лютеран и армяно-грегориан Турции.

Исключительная судьба по мере исключительной личности. Когда разразилась Вторая мировая война, подавленность престарелого поборника «славы в вышних Богу», «на земли мира» и «в человецех благоволения» не продлилась долго. Он сразу стал готовиться к новому творческому периоду, к новому этапу борьбы за торжество заповеди Нового Завета, за то, чтобы люди возлюбили друг друга. Война едва отшумела, как Джон Р. Мотт вновь покидал свою родину для новых дальних путешествий. В своем качестве вице-председателя временного комитета Всемирного Совета Церквей он будет на первом послевоенном съезде Совета. Предстоит обсуждение окончательных форм организации его, выработка послевоенной программы христианской работы в разных странах и выборы председателя временного комитета на место, опустевшее со смертью д-ра Темпла, чтимого всем христианством Архиепископа Кентерберийского.

*
**

Джон Мотт родился в 1865 году в горной долине среди мягких складок Швагаункских гор, в большом деревенском доме Ливингстон Манор. Еще прадед его, Томас Мотт, лейтенант «Революционной Войны», обосновался в этой долине у слияния быстрого течения Биверкилля и Вилловикока, в местности еще насыщенной воспоминаниями об индейских племенах Гудзона. Если ехать по верхней дороге над долиной откроется надпись на доске: «С этого места открывается вид на ферму, где родился Джон Р. Мотт». Заслуги Мотта признаны при жизни его и его чтут на родине.

Школьная и студенческая жизнь юного Джона Мотта определила его призвание и, когда он начал курс в Корнэлльском университете в Итаке, решение его было принято. Он был членом американского Христианского Союза Молодых Людей — организации тогда молодой и новой. В 1944 году «ИМКА» отпраздновала свое столетие. Мотт в молодости уже наложил отпечаток своего духовного водительства на свою организацию. Участие в ее христианской работе он определил, как «призвание целой жизни». Этим в большой мере определилось создание «профессионального» кадра работников на вневероисповедном (или междувероисповедном) христианском поприще.

До окончания университета Мотт был ограничен в своей работе рамками протестантского христианства. В 1888 году он — бакалавр философии, истории и политических наук. В том же году он — секретарь Интерколлегального Христианского Союза Молодых Людей. В 1891 году он совершает первое заграничное путешествие на съезд Всемирного Христианского Союза Молодых Людей в Амстердаме. Весьма действенное в те годы Студенческое Добровольческое Движение приобретает в лице Джона Мотта выдающегося руководителя. Его приглашают на национальные съезды христианские студенческие организации Англии, Германии, Скандинавии, Швейцарии.

В августе 1895 года на международном съезде в древнем шведском городке Вадстене основывается Всемирная Христианская Студенческая Федерация. Д-р Джон Р. Мотт по сей день состоит ее почетным председателем. Он остается также председателем Всемирного УМСА (Христианского Союза Молодых Людей). Он также председательствует в Международном Миссионерском Совете. Все три вышеупомянутых организации международны в национальном отношении и экуменичны в религиозном отношении, то-есть, ставят себе задачей обслуживать вселенское христианство и содействовать единению всех христиан мира.

Джон Р. Мотт гордится тем, что он широко открыл двери всех «вселенских» движений, к которым он был когда-либо причастен, представителям Православной Церкви. С годами его преклонение перед нею не переставало расти. В православии Мотт видит хранилище апостольской традиции и живой Благодати. Как и все неправославные знатоки православия, он особое значение придает восточной литургике. Обряды Православной Церкви постепенно раскрывали перед ним свой сокровенный смысл. Он отмечает, что религиозная музыка, песнопения Восточной Церкви играли большую роль в его восприятии ее таинств. Во всеуслышание д-р Мотт утверждает, что православие является центральным стержнем мирового христианства. Судьба Русской Церкви представляется ему чудесным и благодатным источником для обновленной и очищенной христианской действительности во всем мире.

Первый контакт Мотта с православием имел место полвека тому назад. Это относится к 1896 году — году первой его поездки в Японию, где он установил дружеское сотрудничество с Высокопреосвященным Архиепископом Николаем. Этого выдающегося русского святителя он считает «наиболее успешным проповедником слова Божия в новейшей истории». Миссионерство Архиепископа Николая, впоследствии продолженное скончавшимся недавно Митро-

политгом Сергием Японским (Тихомировым) действительно отличалось исключительно положительными достижениями. Он фактически основал ядро японской Православной Церкви, канонически и административно остававшейся до сих пор в юрисдикции Русской Церкви. Впоследствии, когда землетрясением 1923 года русский соборный храм в Токио был сильно поврежден, Джон Р. Мотт собрал в Америке несколько десятков тысяч долларов для его капитального ремонта. Он часто вспоминает о недовольстве японских консервативных кругов тем фактом, что крест на русском соборе возвышался над уровнем кровли дворца микадо — «сына Неба».

Первое путешествие д-ра Мотта в Россию имело место в 1897 году. Он был встречен скорее холодно. В синодальных и правительственных кругах в его приезде усмотрели попытку «увода душ». Лишь десять лет спустя в Петербурге убедились, что цель Мотта не в протестантском прозелитизме, а в сближении между христианскими вероисповеданиями. С 1900 года в России уже существовала организация, связанная с американским УМСА, заочно основанная Моттом. Организация называлась «Маяк». В 1900 году Джон Мотт имел ряд совещаний с русским министром народного просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода. Он выступал на сессии Синода с докладом о христианской работе в среде международного студенчества. Ему удалось добиться содействия официальных сфер и к обществу «Маяк» был даже прикомандирован православный духовник, о. Иоани Слободский.

В 1917 году президент Вильсон назначил д-ра Мотта своим чрезвычайным представителем с миссией посетить Россию. Мотт принял это назначение под условием, что его миссия не будет включать в себя политических заданий и ограничится областью религиозных и культурных сношений. Обер-прокурор В. Н. Львов сопровождал гостя при объезде лавр и чтимых русских святынь. На предсоборном совещании в Москве Джон Р. Мотт был представлен митрополитам и установил личный контакт с большинством видных иерархов Русской Церкви. Его просили выступить перед собранием епископата и духовенства. После его доклада будущий патриарх Тихон благословил его, а присутствовавшие проводили его многолетием.

С этого времени установилась дружба Мотта со Святейшим Тихоном, который впоследствии послал ему благодарственную грамоту за помощь голодающим. В Америке д-р Мотт собрал капитал

в 30 тысяч долларов для издания первого полного богослужебного сборника на английском языке служб, таинств и треб Православной Церкви. Многоотрадное издание это, свыше 600 страниц убористого текста, особо благословленное Патриархом Тихоном, было выпущено с его собственным письмом на имя «глубоко мною уважаемого д-ра Джона Р. Мотта» в виде предисловия.

«Американский апостол», как назвал д-ра Мотта Архиепископ Ярославский Алексей, оказал неоценимые услуги русским православным вне России. Все русские парижане помнят особняк на бульваре Менипарнас, в котором помещались церковь, конторы и бульваре Монтпарнас, в котором помещались церковь, конторы и общежития Русского Христианского Студенческого Движения. Это был один из центров русской культурной жизни за рубежом. Парижский Богословский Институт не мог бы также существовать без долголетнего содействия д-ра Мотта и его более молодых сотрудников. Митрополит-эксзарх Евлогий — один из долголетних его друзей.

Связь Джона Мотта с православием не ограничивалась, однако, контактами с представителями Русской Церкви. Он неоднократно посещал Восточных Патриархов, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского. Он был торжественно встречен на Афоне, где был гостем Патриарха Мелетия во время съезда представителей УМСА с участием всех балканских православных Церквей. В Салониках улица была названа по имени Джона Р. Мотта. Еще в 1913 году, когда Мотт прибыл в Смирну и пожелал посетить местного греческого митрополита, последний, встречая его, сказал: «Вам незачем представлять себя мне. Вот тексты двух ваших докладов, которые мы тут недавно перевели на греческий язык для распространения среди читающих греческих кругов Смирны».

*
**

Незадолго до Второй мировой войны мечта о согласовании усилий христианских Церквей начала принимать конкретные формы. Неутомимая работа Джона Мотта и таких его единомышленников, как знаменитый, ныне покойный шведский Епископ Седерблем, как его нынешний преемник Епископ Эйдем, как Епископ Брент (председательствовавший на вселенской конференции в Лозанне в 1910 году), как скончавшийся во время последней войны Архиепископ Кентерберийский (Темпл), — начала приносить плоды. Почва для сотрудничества была подготовлена. В 1937 году состоялась конференция в Оксфорде, на которой Мотт был предсе-

дателем деловой комиссии. Несколькоими месяцами позже имела место конференция в Эдинбурге, на которой Джон Мотт возглавлял комиссию по подготовке Всемирного Совета Церквей.

В следующем 1938 году в Утрехте из участников обеих конференций был избран временный комитет Всемирного Совета Церквей. Председателем его до своей смерти состоял Архиепископ Кентерберийский, глава Англиканской Церкви. Три вице-председателя представляли: Православную Церковь (Высокопреосвященный Германос, Митрополит Фиатирский, экзарх Вселенского Патриарха), протестантские Церкви Европы (настор Марк Бегнэр, председатель Протестантской Федерации Франции) и протестантские Церкви Америки (д-р Джон Р. Мотт).

Во время войны организации, возглавляемые Моттом, без устали работали над облегчением тяжелой участи миллионов пострадавших: раненых, осиротевших, пленных, интернированных, беженцев. В настоящий момент согласование всех разрядов благотворительности и мобилизация всех видов христианской солидарности остается срочной задачей. Но перед мировым христианством, перед Вселенской Христовой Церковью, ставится еще более ответственное задание. Это укрепление мира всего мира. Это облегчение взаимного понимания между людьми, создание предпосылок для их взаимного доверия. Ответственность Церквей столь же велика теперь, сколь и обширны открывающиеся перед ними возможности. С сознанием и этой ответственности и этих возможностей вновь пускается в дальний путь престарелый, но непреклонный апостол христианского единства.

Русские могут только нанутетствовать его традиционным приветствием: «В добрый час!» И не могут не добавить: «Многая лета!»

А. К.-Б.

БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. ДИОНИСИЯ В ПАРИЖЕ

Богословский Институт св. Дионисия в Париже — первая в истории православия школа в центре Западной Европы на французском языке. Инициатором ее возникновения был протоиерей о. Евграф Ковалевский. К нему пришли на помощь Братство Святителя Фотия и французские православные круги. Два имени среди последних должны быть отмечены: д-р Берниэ и Ивон Винаерт. Их неутомимая преданность делу неопенима. Начало Института было очень скромным. Вернувшись в конце 1943 года из германского плена, будучи освобожденным по болезни, о. Ковалевский, — по просьбе нескольких французов, организовал при Центре французской православной Миссии св. Иринейя семинар по изучению «Небесной Иерархии» Дионисия Ареопагита. К лету вокруг семинара образовалась прочная, тесно спаянная ячейка людей, проникнутых духом подлинного христианского предания.

С момента освобождения Парижа у них назрела мысль о необходимости создать французский православный Институт. Задачами его признавалось: 1) просвещение православных французов и углубление их религиозного сознания; 2) обслуживание духовных нужд офранцузившейся части русской эмигрантской молодежи, 3) осведомление всех неправославных, интересующихся православным учением и жизнью православной Церкви. После преодоления ряда трудностей в итоге героических усилий инициаторов Институт открыл свои двери 6 декабря 1944 года. Покровителем Института был избран чтимый французами святой Дионисий. Габриэль Марсель, д-р Берниэ и профессор международного права Шклявер согласились быть его администраторами. Французская Академия Наук признала его права. Директором (ректором) Института был избран о. Евграф Ковалевский.

Первый учебный год был сравнительно урезанным: два раза в неделю вечерние курсы из двух лекций в вечер и два раза в неделю лекции по древним языкам — еврейский, греческий, латинский

и славянский. Предметами Института были установлены: Православное Богословие — Владимир Лосский; История Православной Церкви — о. Евграф Ковалевский; Западная Литургика — о. Дон Л. Бодуэн; Восточная Литургика — В. Ильин; Каноническое Право — Л. Гринченко; философия была разделена между тремя профессорами: древняя — П. Бюржелен; средневековая — Н. Дави; новая — П. Ишполит. Студентов записалось тридцать два человека, большинство французов, пять греков, двенадцать русских. Помимо них были и вольнослушатели. Бюджет Института был весьма скромным. Доход состоял из небольших пожертвований. Среди них выделялись ежемесячные взносы архимандрита о. Т. Ионеско Румынской Церкви, жертвовавшего по 500 франков в месяц. Плата за нравоучение была определена в размере 300 франков в год. По расходному бюджету производилась оплата труда некоторых из профессоров, оплата помещения и канцелярские расходы. На издание курсов, хотя бы путем размножения на ротаторах, денег не хватало.

Институт св. Дионисия по своим основным установкам чисто православный не был, однако, узко-православным. Среди профессоров были представители римско-католической Церкви (как о. Бодуэн, бенедиктинский монах, апостол экуменизма и возрождения литургии на Западе или М. Давид) и протестанты (как П. Бюржелен и пастор Дюма, читавший лекции о протестантской Церкви Норвегии). Их неформальное, а душевное и интимное участие в работе Института свидетельствовало о широте православного духа, проникнутого вселенской любовью. Несмотря на многие недочеты, первый учебный год дал положительный результат. Возник центр, где люди Запада могли изучать православное мировоззрение, где в православной атмосфере зарождался экуменический вселенский дух. Но жизнь не останавливается и необходимо идти дальше. В той форме, в какой он возник, Институт не может оставаться в дальнейшем. Как бы ни были ценны вечерние курсы, ими невозможно ограничиваться. Это обстоятельство скоро стало сознаваться всеми инициаторами дела и друзьями Института. К вечерним курсам признано необходимым добавить два других начинания: 1) систематическую школу для подготовки пастырей и работников Западного Православия и 2) духовный и научный центр для дальнейшего развития христианской науки.

Подобно Америке Западная Европа требует новых кадров пастырей и церковных работников. Молодое поколение (русское, греческое, сирийское и т. д.) отходит от Православной Церкви. Язык, воспитание, психика у него иная, чем у поколения отцов. Молодежь чувствует себя отчужденной в чисто эмигрантской среде.

Ей нужен другой тип пастырей, другие формы приходской и религиозной жизни. Они ждут православия, переработавшего для них западно-европейскую психологию. Кроме русской эмигрантской молодежи, среди западного юношества все чаще встречаются желающие изучить православие и работать на него. Среди них не только французы, но и голландцы, швейцарцы и другие. Им также нужна школа.

Что касается второго задания — духовного научного центра — то оно неотложно в еще более глубоком и универсально-вселенском смысле. Во-первых, про-православные движения в христианском мире требуют более внимательного ответа со стороны православных. Во-вторых, надо ответить на духовный кризис наших дней. Современный мир и особенно Запад представляет собою нечто в роде атомической бомбы, где все разбито аналитически на разлагающиеся в геометрической прогрессии элементы, ничем не соединенные. Православное сознание есть тот исключительно благоприятный «климат», в котором может развиваться новая конструктивная работа: собирание знания во единое целое. В этом аналитическом разрушительном процессе заключается второе уродливое явление: чрезмерное развитие наук чувственного мира и застой в развитии мира духовного. Этот тройной аспект современной культуры — тяга к православию, разложение единого мировоззрения и отсталость духовных наук перед науками материально-психическими, — требует ответа, ответа в порядке лабораторной работы, артелей специалистов и труженников, жертвенно отдающихся духовно-научной работе.

Таковы задачи, вставшие перед Институтом св. Дионисия. Еще весной его работники стали изучать эти вопросы и с практической, и с методологической, и с духовной стороны. Для систематической пастырской школы сделано уже многое. Разработана программа на трехлетний курс, собран профессорский «экип», записалось одиннадцать студентов и пять студенток, намечено новое помещение с общежитием, изыскиваются средства. Последнее является основным препятствием к разворачиванию школы. Временно студенты, съезжающиеся в Париж, с юношеским энтузиазмом идут на жизнь очень тяжелую — соединять работу с учением. С трудом их расселяют: в Париже тяжелый квартирный кризис. Профессора работают в расчете на будущее. Закупленные книги лежат в ящиках.

Для научного центра решено предстоящий зимний сезон рассматривать, как подготовительный для уточнений методов работы и собирания сил. В общем свои перестройки Институт переживает

в настоящее время, как переходный момент. Тем не менее, с начала ноября начались вечерние курсы первого и второго семестра с добавочными предметами: Священное Писание и Священное Предание, Агиалогия. К прошлогоднему составу профессоров прибавляются новые силы: о. Хайц (литургист), Петр Ковалевский — История Русской Церкви, М. Арсеньев, кн. Андроников, А. Шмеман. Два последних окончили Богословский Институт Сергиевского Подворья. Кроме регулярных курсов установлены добавочные: Иконография, Индуизм и Христианство и т. д. Наравне с вечерними курсами, как мы говорили выше — в героической обстановке, начинается с настоящим учебным годом как трехлетняя богословская школа, так и подготовка научного богословского центра. По выражению одного из организаторов Института, «мы бросаемся в огонь без оглядки». Но для верующих все возможно.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ

(Обзор событий и печати)

КАРЛ БАРТ

Профессор Карл Барт, всемирно известный швейцарский богослов и стойкий борец против гитлеровского язычества, недавно принимал участие в сессии Братского Совета Исповеднической Церкви во Франкфурте в Германии. Как известно, Барт, будучи профессором ряда университетов, в том числе Протестантского Богословского Института в Бонне (в Рейнландии), восставал не только против идеологии национал-социализма, но и против германского милитаризма и болезненного влечения немцев к военщине. «Германской нации, отвергающей лишь Адольфа Гитлера, но не склонной отказываться от Бисмарка», говорит швейцарский богослов, «не может быть оказано полного доверия». Влияние Карла Барта может сыграть значительную роль в оздоровлении духовной жизни Германии. Его учение не допускает компромиссов. Проповедь его в самом лучшем и глубоком смысле подлинно протестантская: это — протест против всего, что ущемляет или омрачает чистоту религиозного начала.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА В США.

У каждой страны свои специфические проблемы.

Одна из американских проблем — духовная разобщенность. Распыление духовных сил страны происходит, несмотря на ее демократическую, всенародную объединенность. Быть может, правильнее было бы сказать, что она возникает именно в силу этой национальной объединенности, которую можно было бы назвать гражданской соборностью. Иммигранты разных рас и различных национальностей не сложились еще в одно культурное целое. И это сознается многими американцами. Наиболее сознательные и духовно развитые элементы Америки ищут выхода. Эти искания уже отразились на постановке школьного дела. Университетские программы и методы преподавания подвергаются коренной переоценке. В частности подлежит существенному изменению система, при которой студентам предоставлялась почти неограниченная возможность свободного выбора отдельных курсов и даже предметов. Часто выбранные студентом предметы оказывались случайным набором лекций, лишенных внутренней связи между собою. Университетская молодежь получала при таких условиях обрывки знаний и многие из ее представителей тяготелись хаосом, который пронизывал из их субъективного выбора. Гарвардский Университет вводит теперь схему общеобязательных основных предметов. К такому же практическому выводу

пришел в Йельский Университет. Главные и самые чтимые из высших учебных заведений Америки отмечают повелительную необходимость общеобразовательного курса для всех учащихся, как неперемное условие повышения их культурного уровня. Этим предполагается достигнуть и лучшего понимания общей жизни страны, к которой принадлежат студенты, более полного раскрытия перед ними человеческого естества, общего для них всех, более осмысленного усвоения духовных и культурных основ истории, которую они унаследуют.

РОКФЕЛЛЕР О «НОВОЙ ЦЕРКВИ»

Потребность в интеграции, в связующем элементе ощущается в Америке не только в области науки и образования. Та же проблема, с большей даже остротой, ставится и перед религиозной жизнью американцев. Бесконечное дробление протестантских сект толкуется иными, как ценное доказательство индивидуальной духовной свободы, другими, как опасность, угрожающая христианскому единству. В связи с этим процессом в религиозной жизни Америки проявляются две тенденции: восстановления внутреннего единства через укрепление междоцерковных связей или поглощения всех существующих разделений новой объединительной организационной структуры.

Так Джон Д. Рокфеллер предлагает создание «Церкви Живого Бога», главным образом для соединения верующих находящихся вне Церквей. В основу своей идеи Рокфеллер кладет утверждение, что рукоположение, обрядность и даже догматы Церкви не обязательны и не необходимы для допущения в Царство Божие. Принадлежность к нему определяется жизнью, а не вероисповеданием. Впрочем, Рокфеллер ратует не за уничтожение церковных обрядов, а за подчинение их духу, за свободное, а не принудительное их выполнение. Принадлежность к «новой Церкви» вытекает, по словам Рокфеллера, «из любви к Богу во Христе и Его живом Духе», выражается «живым проявлением этой любви в жизни Христу подобной». В осуществлении своей идеи создания такой Церкви, автор ее видит «учреждение Царства Божия на земле, объединение всех людей доброй воли верующих во Христа. Это было бы истоком новой эры христианского единства».

ВИЛЬЯМ АДАМС БРОУН

Паряду с идеей Рокфеллера, можно отметить другую. Это уже попытка создать интегрирующее ядро в самой Церкви, — как бы островок согласия в океане религиозных, социальных и расовых раздоров. «Всемирная Братская Церковь», возникшая в Сан-Франциско, пытается достичь этого в рамках Пресвитерианской Церкви. Два пастора — один белый, другой негр — стоят во главе смешанного прихода, состоящего из представителей многочисленных рас, населяющих Сан-Франциско.

Заслуживает также быть отмеченным возрастающее стремление вернуть богословию его полное значение, приблизить его к жизни. Вильям Броун в своей книге, вышедшей незадолго до его смерти, настаивал на необходимости включить богословие в программу университетских курсов. Он видел в этом возможность не только ввести более глубокое содержание в миропонимание современников, но и привести их к единству.

Особо следовало бы остановиться на творчестве К. С. Лунса, к которому бы хотелось вернуться. Заметим пока, что вышла в Америке из печати его книга — собрание его радиопередач в Англии о богословии, как о «Науке о Боге». В выступлениях Лунса по радио затрагивались жизненные вопросы нашего времени. Он давал им новое освещение, сообщая злободневную актуальность старым истинам. Слог К. С. Лунса динамичен и увлекателен. Нет сомнения, что в его лице выдвинулся один из интереснейших мыслителей современности, на которую он неминуемо окажет заметное влияние.

МЕМЕНТО МОРИ

Грушной христиан разных вероисповеданий была выдвинута в Нью-Йорке инициатива по установлению общего Дня Поминования для одновременного совершения в храмах всех Церквей заупокойных богослужений в память сонма мучеников-жертв немецких и японских палачей. Такие богослужения могли бы, в то же время, быть проявлением:

1) солидарности всех признающих силу нравственного закона и верящих в Божественную справедливость; ради собственного блага германская и японская нации должны убедиться в том, что человеческая совесть не примиряется с их бесчеловечностью и не потерпит вредения сатанинской жестокости в нравы и навыки нашего времени;

2) благодарности всем погибшим во имя нашей свободы за их безмерную жертвенность и мученическую смерть; их мученичество открыло глаза человечеству на опасность озверения людей; современным мученикам, принявшим смерть от руки гонителей должна быть подлинно вечная память; за страдальцами, пережившими неистовые притеснения военных лет, должна быть увековечена довлеющая им слава;

3) раскаянии в том, что была забыта и даже отвержена «заповедь Нового Завета» о любви к ближнему и о братстве людей; верующие, жившие вне рамок Божественного закона, разделяют ответственность за преступления своих обезумевших братьев; покаяние нужнее всего теперь для христиан, чтобы сыскать прощение, милость и помощь Всемогущего Бога.

КАТОЛИЧЕСКИЙ ЕПИСКОП ФРАНЦИИ О СОЦИАЛЬНОЙ РЕФОРМЕ

Во Франции война произвела не только опустошения, как вещественные, так и духовные. Она вызвала глубокую переоценку ценностей. Французское сознание, некогда поставившее перед человечеством ребром проблему свободы и прав человека, в настоящее время более, чем когда либо чувствительно к проблеме справедливости. Поэтому социальный мотив звучит в новой Франции с исключительной силой. Епископат Католической Церкви присоединяет свой голос к общенациональному хору и, в свою очередь, выдвигает положения, которые многим покажутся неожиданными. Социальное дерзание французских католиков остается мало известным вне пределов Франции, хотя на их ежегодные «Социальные Недели» — оживленные съезды, собиравшие тысячи участников с высокой профессиональной, технической и академической квалификацией — неизменно приезжали многочисленные иностранные делегации.

Собор кардиналов и епископов Франции обнародовал резолюцию, из которой мы приводим наиболее показательные выдержки: «Совместно с папами мы осуждаем скаandalность пролетарского положения, то-есть состояния не-обеспеченности, экономической зависимости, часто нужды, лишаящего многих трудящихся сколько-нибудь человеческого существования. Совместно с папами мы осуждаем капиталистический режим, примат денег в системе, при которой стремление к наживе и доходу ставится выше заботы о человеческой личности рабочего. Предприятие слишком часто стало превращаться в эксплуатацию во имя частных интересов, тогда, как оно должно быть на службе у общества». Как известно, социальная проблема была в центре внимания двух пап, Льва XIII и Пия XI, учение которых было изложено в знаменитых энцикликах «De Рerum Новарум» и «Квадрарезимо Анно». Эти энциклики до сих пор служат основой для социальных программ католических групп в разных странах.

КОНЕЦ БОЛГАРСКОЙ СХИЗМЫ

Одной из жестоких проблем, стоявших перед Болгарией был вопрос о восстановлении молитвенной и канонической связи с православным миром. Схизма наложенная Вселенским патриархом на болгарские епархии привела к духовной изоляции болгарского народа на три четверти века. В 1945 году, наконец, личное посредничество Патриарха Алексия позволило довести до конца дело святия схизмы с православной Болгарии и признания Константинополем автокефалии Болгарской Церкви. Патриарх Вселенский Вениамин опубликовал «известительную грамоту» о своем решении, в котором излагается история болгарского раскола и сообщается о просьбе новоизбранного экзарха Стефана о снятии церковного отлучения с Болгарии. «Братски расположенные к этому стремлению и просьбе Болгарской Церкви, мы от всей души прославили Бога, призревшего на молитвы Церкви. Рассмотрев прежнее решение Синода о прекращении общения с Болгарской Церковью, мы собрались с составляющими наш Святой и Священный Синод Высокопреосвященными митрополитами в нашей священной Патриаршей церкви Святого Апостола Андрея Первозванного и отменили объявленное в прошлом отлучение Болгарской Церкви, постановив, что все, объявленные решения Святого и Великого Синода в сентябре 1872 года, Индиктиона I, в нашем всечестном Патриаршем храме Святого великомученика Георгия Победоносца сообрашесого, «схизматиками и чуждыми Православной Христовой Церкви» болгары, клирики и миряне освобождаются от наложенного на них наказания и отлучения. Принятые и благословляемые Святой Единосущей Троицей они рассматриваются, считаются и именуется благочестивыми православными христианами и верными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви».

«Рассмотрев в связи с этим в нашем Святом и Священном Синоде также просьбу Болгарской Церкви о сопричислении ее к лику Святых автокефальных Церквей и приняв во внимание постановление Священных каноников, мы благословили автокефальное состояние и организацию ее, определив, чтобы эта именуемая «Святая Православная Автокефальная Болгарская Церковь», духовная наша сестра, управлялась и устривалась независимо и автокефально по правилам остальных автокефальных Церквей, признавая, как свою верховную церковную власть Болгарский Синод, составленный из архиереев под председательством Блаженнейшего митрополита Софийского и Экзарха всей Болгарии, имя которого будет поминаться в диптихах непосредственно после Блаженнейшего Архиепископа Афинского и всей Эллады. Об этом мы издали и выпустили определенный наш Патриарший и Синодальный том».

ПОВАЯ ВЕРА

В осеннем номере «Новостей Богословской школы в Чикаго» помещена характерная статья Генриха Цельсона Вимана. В ней говорится о конфликтах вер христианской и новой, еще не вполне определенной.

Это новое — вера в законность и необходимость освобождения полной технической мощи на пользу пропитания человека, его сохранности и вооружения его духа.

Многие убедились в возможности производства товарных ценностей в неограниченном количестве. Если все люди и в полной мере оценят этот факт — то он вызовет в массах веру, которая будет развиваться и захватывать их. Вера родит уверенность и слух. Люди скажут, что было сделано во время войны должно быть произведено и в мирное время и не для того, чтобы истреблять, а для того, чтобы угостить очаг для человеческого духа на этой планете. Их сила тревожит властвующих, которые не захотят сдать технологическую мощь в руки народа.

Вероятно появится человек, который научит людей, каким образом цель может быть достигнута. Это потребует времени, но воля народа проявится, хотя и не без внешних и внутренних конфликтов, не без сопротивления со стороны разных организаций и течений. Возможно, что и некоторые христианские группы будут против сдачи технологических достижений — народу. Всякое сопротивление этому стремлению явится глубочайшей, трагической ошибкой. Наряду с внешней борьбой появятся и внутренние. Будут спорить о целях и назначении техники. Должна ли она лишь удовлетворять физические потребности, или иметь в виду развитие умственных, душевных и духовных способностей. Результат этого конфликта определит начинающуюся эпоху, как эпоху человеческого снижения, или как эпоху продолжения пути к высшим достижениям духа. Результат этот крайней важности и зависит он от решений людей, работающих на фабриках и заводах. Или свобода, ответственность или духовная нища вне их — в быту, церкви, искусстве — не смогут компенсировать отсутствие духовной жизни в индустриальном мире. Необходимо, чтобы техническое развитие шло параллельно с духовным развитием и способствовало бы ему. Что технические достижения и промышленность будут давать душе — тем люди и станут. Эра, начинающаяся в наши дни — эра промышленности. Если промышленность даст человеку достоинство и правильную оценку, если расширит и углубит его кругозор и стремления — люди достигнут высшего уровня развития. Иначе ни церковь, ни дом, ни школа, ни государство не будут в состоянии остановить упадка. В лучшем случае они спасут какие то крохи, но ничего не создадут, если промышленность не откроет им пути.

В случае разочарования в чаяниях и надеждах, возложенных на промышленность, народ может обратиться в прозябающую массу, комфортабельно пользующуюся земными благами. И это — до тех пор, пока чувство ответственности и правильной оценки достигнуто такого низкого уровня, что вся культура рухнет в силу собственной тяжести.

Тут, на боевой линии этого конфликта духовный руководитель должен занять свой пост. Здесь ставится вопрос о спасении душ. Здесь должно бороться за освобождение и технической мощи и за освобождение духа входящего по крутому подъему высшего назначения человека. Пасть легко при обзавле богатства, доступного всем.

Но знать нужно, что представляется величайшая возможность истории расширить понимание значения жизни.

Век за веком вера создает свою боевую линию. Сегодня она проходит по описанному пункту. Четко и ясно, не сбиваясь, ее следует узнать, установить и работать в этом направлении.

«ЖИВОЙ БОГ» — *“Dieu Vivant”*.

В то время, когда задумывался и начинался в Нью-Йорке «Третий Час», в Париже — ничего не зная об этом, приступили к изданию ежесемеслячника «Живой Бог» (религиозные и философские перспективы).

В объявлении цель журнала определяется как духовное сражение. Цель эта связывает группу писателей объединенных одинаковой любовью к подлинным, религиозным ценностям и общим отвращением к сниженному христианству, потерявшему характер живой веры и превратившемуся лишь в один из видов цивилизации.

Хотя религиозные проблемы и изучаются журналом с философской точки зрения, изучение это не должно оставаться бесплодным, а приводить к оживлению религиозной мысли и к углублению учения Христа для успешной борьбы со Злом внутри и вне нас.

Группа «Живого Бога» состоит из членов различных вероисповеданий. Это объясняется следующим: Беседы между разведенными христианами могут служить источником обогащения и тогда, когда каждый из участвующих придерживается своих убеждений.

Православие вносит свое мистическое богословие и понимание Христа в Его победной славе и свете, в котором так нуждается мир, погруженный в мрак. Католичество подчеркивает социальный аспект Церкви, часто отсутствующий на Востоке. Протестантство может служить примером постоянной борьбы с косностью сердца.

Но между сотрудниками существуют и более близкие точки соприкосновения: верность Св. Писанию, как вторжение Слова Божьего в мир; вера во второе пришествие и в воскресение из мертвых, которое настанет в час никому не известный, но, может быть, и не столь отдаленный.

Темой общего размышления также служит необходимое духовное единство. Каким образом может оно осуществиться? Конечно, не компромиссами и сшиванием лоскутов. Оно сотворится тайной, поглощением во Христа.

Журнал вписывается в современность и требует определения вечных проблем христианства новыми понятиями.

В обмене мыслей на страницах ежесемеслячника могут принять участие и неверующие, пишущие «Абсолюта».

Среди сотрудников «Третий Час» узнает своих друзей. Оба начинания так близки, что о них можно сказать, что это общее дело. Пожелать успеха одному — желать успеха и другому.

В чувстве широкого сотрудничества черпаешь силу и надежду на преуспевание как «Живого Бога», так и «Третьего Часа».

«ТЕТРАДИ НОВОЙ ЭПОХИ»

Нас извещают о появлении еще другого журнала в Париже: "Cahiers de la Nouvelle Epoque", под издательством Н. А. Бердяева.

Эти тетради ставят себе целью изучать современные проблемы, которые являются результатом кризиса наших дней. Кризис моральный, происходящий от несоответствия между научным сдвигом и недостаточным духовным прогрессом. Кризис социальный, происходящий от борьбы интересов коллектива и индивидуума. Кризис международных отношений. Проблемы экономические, политические и культурные приняты всемирный масштаб. Сверхнациональные реальности противопоставляются старому миру частных подразделений.

Победа позволяет надеяться на возрождение, на более благоприятный климат для успешного преобразовательного действия, на духовное услаждение, в известной мере революционное, которого требует час жестокой неизвестности. Это действие уже намечается.

Вернуться к религиозным истокам, окунуться в новую духовность, восстановить христианское единство, воссоздать раздвоенного рационалистической иллюзией человека в его цельности, заменить живым лицом отвлеченного индивидуума, «согласовать интересы масс с интересами elite, индивидуальную свободу с обязанностями общественными, стармодизировать национальную обособленность с соборным духом — вот это является характерным направлением Новой Европы, духовной, вселенческой и социальной.

Изучение этих проблем на очереди. Но как к ним подойти, не считаясь с русским фактором, с этим новым фактором, от которого все сильнее и сильнее зависит судьба Европы и который все больше и больше влияет на его духовный климат?

..Разобраться в проблемах нарождающегося мира в их многочисленных аспектах, особенно, принимая во внимание русский вклад, изучить взаимодействие двух родственных и как бы дополняющих друг друга культур — к этому двойному действию «Тетради Новой Эпохи» призывают людей доброй воли, желающих обсудить пути нового человечества в духе лояльности, терпимости и взаимного понимания.

«ИРЕНИКОН». № 1, 1945 г.

Сотрудники «Третьего Часа» приветствуют выход в свет первого после освобождения Европы номера «Иреникона» — органа Бенедиктинской Обители Амэ, в Бельгии, возобновившей свою деятельность после тяжелых лет оккупации и рассеяния. В довоенные годы бенедиктинцы Амэ много сделали для сближения Церквей и особенно для взаимного понимания Православных Русских и Католиков Запада. «Иреникон» всегда отличался духом братства и живого интереса к инакововерующим. Отличался он и эрудицией и вдумчивостью своих сотрудников, знавших, что единство достигается лишь ценой внимательного и любовного изучения духовных, как и культурных проблем. Новый выпуск «Иреникона» остается верен этой основной линии. В кратком предисловии, редакция журнала подчеркивает, что сейчас более, чем когда-либо необходимо приложить все усилия для примирения христиан между собою, для возрождения взаимной любви и для общей работы во имя единения.

«ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ». Альдус Хэксли.

Изд. Гарнер, Н. И. 1945.

Известный английский писатель Альдус Хэксли, переселившийся в Америку, занимает в своей стране, как и в Соединенных Штатах, своеобразное положение: он выразитель, или, вернее, долгое время был выразителем скепсиса, т. е. наследия материалистических и рационалистических учений XIX века; и он же ныне раскрывает не только духовные, но мистические горизонты.

Холодный скепсис Хэксли, его жестокий юмор и безжалостный анализ, особенно ярко отразились в таких книгах, как «Пункт и Контрапункт» и «Безплодные Листья». Жизни духа и тайны духа Хэксли впервые коснулся в «Пер Жозеф — кедейный советник», в «Лебедь умирает», и в вышедшем в 1944 году романе «Время должно остановиться». Но еще ярче Хэксли развернул картину духовного опыта в своей вышущейся в 1945 году книге: «Вечная Философия». По существу эта книга не является результатом личного творчества; это антология, — сборник отрывков из писаний мистиков и святых всех времен и наций (за исключением, — к сожалению, — русских духовных учителей), от представителей индийских религий и от мудрецов Китая до Баспана и Августина; от мистических писателей самых ранних дней средневековья до Мастера Эккардта, Иоанна Креста и Св. Терезы. Однако, простым словом «Антология» не исчерпывается смысл этого сборника. В «Вечной Философии» всюду ощущается дух самого Хэксли. Не случайно выбрал составитель сборника эти тексты, а разбил свою книгу на ряд отдельных глав посвященных той или иной ступени мистического пути: молчание, созерцание, молитва, страдание, единение с Богом. Хэксли представил также в своем сборнике наименее существенные религиозные проблемы: время и вечность; добро и зло; спасение, и т. д. Наконец, Хэксли связал собранные им тексты рядом комментариев, придающих содержанию сборника характер согласованности.

Основная мысль, выраженная в этих комментариях, это, что существует духовный мир, некое духовное измерение, без которого измерения видимого и осязаемого мира далеко не исчерпывают человеческого опыта. Этот духовный мир Хэксли называет «первичной почвой» или «единой божественной реальностью»: мысль уже указанная им в романе «Время должно остановиться». И, как видимый мир подвержен физическим законам, так и мир невидимый также присутствующий на земле, подвержен и еще в гораздо большей степени, вечным законам Божества.

Составитель сборника заимствовал его название у Лейбница, но он сам признает в предисловии, что философия не сумела раскрыть конечную тайну духа, что для постижения этой тайны следует обратиться не к философам, а к непосредственным свидетелям, т. е. к святым. Мысль эта была некогда высказана с несравненно большей силой Бергсоном; она привела знаменитого французского философа к практическому утверждению Божества. Мы еще не знаем куда ведет Хэксли нить его размышлений о «Первичной Почве». Является ли он подлинным богоискателем и, если да, — в какой мере глубока и мучительна его жажда, его потребность найти Бога? Его подход к духовному миру остается до сих пор слишком отвлеченным, холодно-рассудительным, чтобы его можно было назвать подлинным приближением к Тайне.

С другой стороны, в сборнике «Вечная Философия» как бы отсутствуют четкие грани и перспективы. Христианская мистика и мистика нехристианского Востока сливаются в туманность. Часто Хэксли в своих комментариях как бы

отдает свое предпочтение духовному миру без Христа, т. е. миру, где душа поддается божественной реальностью без активного самоутверждения. Хэксли стоит на перепутьи двух дорог: воли к личному спасению через христианский мистицизм и эзотерических мечтаний. Быть может, этим самым он оберегает себя, «застраховывает» себя заранее от пламенных слез умиления, которые пролил величайший из всех богословов, Августин. Об этом, однако, мы не решаемся судить. Невольно вспоминаются слова Паскаля: «Ты бы не искал меня, если бы уже не нашел меня».

Подлинная заслуга Хэксли, это, что в порядке своего личного опыта и творчества он раздвинул низкий, давящий потолок рационализма. Он не только сам преодолел этот рационализм; он вывел вместе с собою из «пещер» и многих своих прежних почитателей, которые, быть может, без него, никогда не прочли бы эти замечательные тексты величайших мистиков и провидцев.

THE THIRD HOUR

Religious-Philosophical Issues, published by a group of Greek-Orthodox, Catholic and Protestant writers.

The aim of this publication is to examine the problems linked to the spiritual crisis of today and to discuss the basic tasks of peace-time.

SUMMARY:

1) *Editorial*

2) *World Discord and Christianity* by *Nicolas Berdiaieff*

In analyzing the present day spiritual and social crisis, Nicolas Berdiaieff stresses the need for a deeper understanding and expression of Christianity in the post-war world.

3) *The Christian Opportunity* by *Denis de Rougemont*

The well known protestant writer urges the activation of Christian life and ideals.

4) *A Commentary on Two Citations (Dostoievsky and Rosanov)* by *Arthur Lourié*

Arthur Lourié, Composer and writer. Two Russian Religious Thinkers offer a theme for meditation on the crisis of spiritual life.

5) *The Time of Nicolas Fedorov* by *B. S. Yanovsky*

The Russian novelist and essayist reveals Nicolas Fedorov, the creator of the "Philosophy of the Common Task."

6) *The Living Soloviev* by *Helen Isvolsky*

Helen Isvolsky, catholic writer, recalls the prophetic vision of the great Russian religious Thinker and Apostle of Christian Unity.

7) *Stephan, the Innovator of Perm* by *Alexander Kasem-Beg*

Describes the life-work of a Russian monk whose initiatives became the turning point of the missionary effort in the Far North.

8) *Fragments from: "The Moral Conscience and the Natural State"* by *Raissa Maritain*

9) *Excerpts from a Sermon* by *Pastor Marc Boegner* (President of the Protestant Federation of France.)

10) *Prayer by Father John Tarassevitch*

The Benedictine Father of San Procopius Abbey comments on the liturgical prayers of the Eastern Church.

11) *Mother Mary by Constantin Motchoulsky*

Constantin Motchoulsky, professor of the Orthodox Academy of Paris, tells the story of Mother Mary, a heroic Russian nun and social worker interned in the camp of Ravensbruck.

12) *An Analysis of Vladimir Lossky's: "Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church" by I. de Mauziarly*

In his book published in 1944 in Paris, the young and promising theologian, Professor Vladimir Lossky, speaks of the mystical path in the Areopagitic literature and of the chief characteristics of the Eastern Church.

13) *Australia by A. K. Klodnitzky*

An introduction to the study of Australian Culture.

14) *John R. Mott by A. K.-B.*

A Portrait of the American Christian Leader known as the "World Citizen" for his oecumenical achievements.

15) *The Institute of St. Dionysius in Paris*16) *Christian Life*

A survey of christian life and thought in today's world.

The next issue will be published in English.

Т р е т и й Ч а с

Цена одного выпуска ..... Один доллар

Цена нумерованного экземпляра.... Пять долларов
(на поддержку и дальнейшее развитие издания)

Money Order, чеки и заказы направлять на склад
издания «ТРЕТИЙ ЧАС» на имя

INTERNATIONAL UNIVERSITIES PRESS

227 W. 13th Street, N. Y. C. 11.

Рукописи и переписку направлять

P. O. B. 6. Station Y. 221 E. 70th Street,
N. Y. C. 21.